

КРИУТСКАЯ ГОРОДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИДЕННЫЙ КАТАЛОГ

199743.

05(57)

C-34

у

СИБИРСКИЙ

АРХИВЪ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи
и этнографіи Сибири, Средней Азии и
Дальняго Востока.

199743

Годъ изданія III.

№ 7—8.

450и.

Юль—Августъ 1914 года.

МИНУСИНСКЪ

Типографія А. Ф. Метелкина.

1914.

406 092

ВАННІ ПАРАДІ
АНГЛІЯ
Велика Британія

ГЕНЕРАЛЬНИЙ

АГЕНТЪ

Забудова, теорія, архітектура, теорія і
практика будівництва, історія і теорія
будівництва.

Третій том

№ 7-8

Сторона — об'єм 1912 року.

1912

Видання А. В. Ковалюка

1912

Handwritten marks or signatures at the bottom right corner.

ИЗЪ ЖИЗНИ А. СОХАЧЕВСКАГО: „ВЪ СИБИРИ.“

Предисловіе.

А. Сохачевскій—полякъ постанецъ, отбывшій каторжныя работы въ Усольѣ, Иркутской губерніи. Теперь живеть въ Вѣнѣ.

Во время ссылки А. Сохачевскій собралъ значительный этнографическій матеріалъ, который затѣмъ обработалъ за границей и издалъ въ нѣмецкомъ переводѣ въ Берлинѣ. Это—несомнѣнно цѣнныя свѣдѣнія изъ жизни старой Сибири съ ея преступными элементами.

Для ознакомленія съ работой А. Сохачевскаго редація «Сибирскаго Архива» печатаетъ двѣ новеллы «Богомолецъ» и «Смѣшной Иванъ», помѣщенные въ книгѣ: «Въ Сибири.» Переводъ этихъ новеллъ съ нѣмецкаго сдѣланъ О. Г. Ширяевымъ, который состоитъ въ перепискѣ съ А. Сохачевскимъ.

Дѣйствующія лица новеллъ—этнографическіе портреты, которыхъ не коснулась рука беллетриста. Вслѣдствіе этого въ новеллахъ нечего искать литературной художественности; онѣ скорѣе имѣютъ историко—этнографическій интересъ.

Редація.

I.

Богомолецъ.

Въ сѣверо-западномъ углу Сибири, между Тарой и Березовомъ, расположено нѣсколько деревень; здѣсь жители съ давнихъ поръ славились своимъ достаткомъ. Въ защищенныхъ отъ вѣтра долинахъ скотъ легко переносилъ зимніе холода, поэтому крестьяне съ успѣхомъ занимались скотоводствомъ; лѣтомъ они воздѣлывали рожь и ямень, а зимой прибыльно охотились, потому что лѣса были богаты пушнымъ звѣремъ.

Но эта зажиточность разжигала алчность начальства,—исправниковъ и засѣдателей,—которые и творили безпрепятственно беззаконія въ тѣхъ далекихъ мѣстахъ. Они вошли въ

соглашеніе съ другими чиновниками, какъ устроить силки въ этой глуши и какъ обогатиться за ея счетъ.

Сибирскіе крестьяне сгребаютъ внутри своихъ дворовъ въ огромныя кучи падающій въ изобилии снѣгъ; эти кучи лежатъ цѣлую зиму и исчезаютъ окончательно лишь лѣтомъ, подъ знойными лучами солнца. Это обстоятельство и дало начальству возможность выработать слѣдующій планъ. Первый же найденный трупъ хоронили только для видимости, а на самомъ дѣлѣ ночью вывозили его въ одну изъ этихъ деревень и тамъ прятали въ снѣгу, во дворѣ наиболѣе зажиточнаго крестьянина. Послѣ этого легко уже было возбудить дознание объ убійствѣ. Въ трупахъ убитыхъ, или умершихъ отъ голода и стужи недостатка не было,—на то были бродяги, ссыльные каторжане, которые прежде были истиннымъ бичемъ Сибири и которыхъ крестьяне ловили и часто убивали въ надеждѣ получить за это вознагражденіе отъ казны. Остальное дѣлалось само собой.

Къ великому удивленію ничего неожиданнаго крестьянъ одной изъ тѣхъ деревень, однажды нагрянула такимъ именно образомъ цѣлая толпа полицейскихъ чиновъ, чтобы произвести обыскъ въ домѣ самаго богатаго хозяина.

Здѣсь какъ разъ въ это время праздновали свадьбу старшаго сына. Новобрачные только что вернулись изъ церкви и весело танцевали съ родственниками и сосѣдями подъ звуки балабайки, какъ внезапно въ комнату вошелъ начальникъ.

Онъ извинился, что помѣшалъ; выразилъ сожалѣніе, что вслѣдствіе гнуснаго доноса онъ долженъ прервать торжество, любезнѣйшимъ образомъ справился относительно невѣсты, которую ему тотчасъ же и представили. Онъ очень внимательно осмотрѣлъ ее, съ большою похвалою выразился относительно ея красоты, ущипнулъ за щеку и спросилъ, какъ ее зовутъ, и сколько ей лѣтъ.

— Ее зовутъ Марья Петровна, о Пасхѣ ей исполнилось девятнадцать лѣтъ,—отвѣтила мать, которая немало гордилась, что ея дочь такъ понравилась его высокоблагородію.

— Да, а это ея женихъ, Карпъ Илларионовичъ Казановъ, дѣльный крестьянинъ и къ тому же богатый,—прибавила она словоохотливо, указывая на стройнаго парня, который сидѣлъ за столомъ подъ образами и съ подозрѣніемъ наблюдалъ за поведеніемъ знатнаго посѣтителя.

Вначалѣ крестьяне не знали, какъ себя вести съ незваннымъ гостемъ и думали, что это—свадебная шутка, комедія, которыя иной разъ устраиваются здѣсь. Но когда въ ком-

нату ворвалась вся орда полицейскихъ, съ обнаженнымъ оружіемъ въ рукахъ, стало ясно, что здѣсь не шутка.

Новобрачный поспѣшилъ къ своей невѣстѣ, шепнулъ ей что-то на ухо и хотѣлъ съ ней выйти изъ комнаты. Но выходы все были заняты, и когда онъ попробовалъ отбѣснить полицейскихъ, то его немедленно сшибли съ ногъ и надѣли ручные кандалы.

Минуту спустя, были скованы и все остальные, находившіеся въ комнатѣ, мужчины, а начальникъ и два другіе чиновника сѣли за столъ и грозно потребовали тишины.

Мало-по-малу умолкли крики женщинъ, которыя, поблѣднѣвъ отъ ужаса, ломая руки, въ отчаяніи метались отъ полицейскихъ къ скованнымъ мужчинамъ.

— Ко мнѣ поступилъ доносъ, что вы здѣсь разбойники, — кричалъ начальникъ, пока еще не все стихло, — на дняхъ вы ограбили и убили проѣзжаго купца.

Крестьяне только рты разинули при этомъ чудовищномъ обвиненіи, потомъ стали браниться и съ беспорядочнымъ крикомъ наступать къ столу начальника, но старый Казановъ успокоилъ ихъ и выпросилъ у чиновниковъ позволенія говорить въ свою защиту.

Онъ говорилъ съ полнымъ достоинствомъ патріарха, доказывалъ певинность заподозрѣнныхъ и увѣрялъ, что готовъ ручаться за честность всехъ присутствующихъ. Они ни разу не сдѣлали зла человѣку, мирно работали и благодарили Бога, который благословилъ ихъ трудъ и наградилъ скотомъ.

— Все это очень хорошо, — отвѣчалъ начальникъ, становясь снова немного любезнѣе. — Еслибы свѣдѣнія о вашихъ гнусныхъ дѣлахъ были получены не изъ хорошаго источника, я, пожалуй, повѣрилъ бы, что они ложны. Но мы присланы сюда царемъ, чтобы чинить въ народѣ право и справедливость и я долженъ принять все мѣры, чтобы открыть истину.

Остальные также завѣряли, что это не болѣе какъ подлая клевета. Они — честные люди. У нихъ ничего подобнаго не бывало.

Но это, повидимому, разсердило начальника. Онъ въ бѣшенствѣ вскочилъ и закричалъ:

— Молчать! Вы — разбойники. И если кто безъ спроса откроетъ ротъ, я заткну ему кнутомъ.

И далъ знакъ полицейскому. Крестьяне робко отступили назадъ.

Но когда двѣ незамужнія сестры невѣсты, красивыя,

очень молодыя дѣвушки, бросились къ ногамъ начальника, умоляя о милости, важный господинъ, повидимому, вновь сталъ снисходительнѣе.

— Милыя мои,—сказалъ онъ елейно, трепля дѣвушекъ за щеки,—у меня самого вѣдь сердце болитъ. Дай Богъ, если мужики говорятъ правду! И на мнѣ есть крестъ. Но я служу царю,—сохрани его Господь,—онъ кормитъ мою семью, и я долженъ слѣдовать его законамъ. Тутъ ничто не поможетъ.

Женщины умолкли, увѣренные въ невинности своихъ и справедливости высокаго начальника.

— Такъ вы всѣ настаиваете на своихъ показаніяхъ?—продолжалъ онъ.

Мужчины отвѣчали утвердительно.

— Хорошо; тогда я вызову нѣсколько сосѣдей и прикажу въ ихъ присутствіи обыскать весь домъ. Вы не успѣли еще закопать свою послѣднюю жертву. И мы ее найдемъ.

Теперь были выбраны два наиболѣе богатые крестьянина—сосѣди, въ качествѣ понятыхъ, безъ которыхъ по русскимъ законамъ нельзя производить обыскъ въ домѣ; исключеніе дѣлается по отношенію къ политически заподозрѣннымъ,—тогда достаточно бываетъ присутствія двухъ полицейскихъ чиновъ.

Начался обыскъ. Перерыты были всѣ комнаты, погреба, конюшни и овины. Но, конечно, ничего найдено не было, и начальникъ, повидимому, остался очень доволенъ этимъ.

— Теперь я дѣйствительно, убѣдился въ вашей невинности,—сказалъ онъ, когда полицейскіе вернулись къ нему съ своимъ докладомъ. Теперь я составлю протоколъ. Понятые его подпишутъ и, къ моему великому удовольствію, дѣло будетъ слѣдано.

Онъ сѣлъ за столъ и началъ писать, но чрезъ мгновеніе еще разъ спросилъ полицейскаго:

— Вы все тамъ пересмотрѣли?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— И хорошо осмотрѣли?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— И ничего не напли по части убійства?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

— Значитъ эти подверглись клеветѣ, и ихъ, какъ невинныхъ, надо освободить.

Какова радость! Женщины вновь бросились предъ нимъ на колѣни, чтобы поцѣловать руку, и онъ не опустилъ слухая,—разъ онѣ молоды и красивы,—коснуться ихъ разъ—другой, чтобы выразить свою снисходительность.

Но неожиданно вошелъ полицейскій и сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе, у меня на совѣсти лежитъ. Долженъ доложить вашему высокоблагородію, что мы дѣйствительно все перерыли и ничего не нашли. Но свое дѣло мы обязаны все-же выполнить по предписанію, и когда окончательно убѣдимся, тогда только эти люди невиновны.

— Говори-же, чортъ возьми, что тебѣ надо? Я не понимаю,—проворчалъ начальникъ.

— Ваше высокоблагородіе, у насъ вѣдь есть еще на дворѣ куча снѣга, мы ее пока не осматривали. Можетъ быть, онъ тамъ спрятанъ...

— Что-же, осмотрите ради меня и кучу снѣга,—равнодушно сказалъ начальникъ; покойно вновь сѣлъ за столъ и занялся протоколомъ.

Но когда онъ черезъ минуту взглянулъ, то увидѣлъ, что полицейскій стоитъ все еще тутъ и никто не распорядился снять съ крестьянъ кандалы.

Чиновникамъ тотчасъ же было сдѣлано соотвѣтствующее замѣчаніе и отдано строжайшее приказаніе немедленно освободить „хорошихъ людей.“

Но полицейскіе не повиновались. Напротивъ, одинъ изъ нихъ подошелъ къ столу и съ поклономъ сказалъ:

— Не взывайте, ваше высокоблагородіе, но вы должны идти къ людямъ, разъ они копаются въ снѣгу. Тогда только подозрѣваемыхъ можно будетъ объявить невиновными.

— Такъ?—съ великимъ удивленіемъ спросилъ начальникъ.

— Такъ по закону.

— Ну, если законъ того требуетъ, тутъ ужъ ничто не поможетъ. Идемъ.

Всѣ вышли во дворъ.

Между тѣмъ уже стемнѣло. Полицейскіе свѣтили фонарями и горячей лучиной; тутъ же стояли крестьяне и покойно смотрѣли, какъ раскапываютъ кучу, верхушка которой была засыпана свѣжевыпавшимъ снѣгомъ.

Разбросали уже половину снѣжнаго бугра, ничего здѣсь не встрѣчая, какъ одинъ изъ полицейскихъ наткнулся на что-то твердое.

— Ого,—закричалъ онъ,—ваше высокоблагородіе, идите сюда, здѣсь есть что то подозрительное.

Съ большой, повидимому, неохотой подошелъ начальникъ ближе.

Полицейскіе усердно копали дальше.

Внезапно показались двѣ человѣческія ноги. Тутъ мужики какъ будто окаменѣли и не вѣрили собственнымъ глазамъ.

Но теперь показались и руки изъ-подъ снѣжнаго покрыва, двѣ судорожно сжатые, выпачканныя запекшеюся кровью руки. И вскорѣ—весь окоченѣлый трупъ, одѣтый въ какое-то тряпье, съ разбитой до неузнаваемости головой.

Теперь маска челоѣколюбія спала съ лица начальника и онъ закричалъ старику Казанову: „Собака! Скотина! Ты хотѣлъ обойти чиновника?“ И когда тотъ попытался было возразить, онъ такъ ударилъ старика кулакомъ по лицу, что тотъ пошатнулся и упалъ на снѣгъ.

Трупъ потащили къ дому. Женщины рыдали. Начальникъ и его подчиненные бушевали, бросались безъ разбору на народъ и заключили въ оковы всѣхъ мужчинъ: старика Казанова, Карпа Илларионовича, несчастнаго жениха и его четырехъ братьевъ.

Была уже глухая ночь, когда послѣдовало приказаніе отправляться. Арестованные были прикованы, какъ звѣри, попарно къ желѣзному пруту и должны были идти многоверсть до ближайшей тюрьмы пѣшкомъ по глубокому снѣгу. Но деревнѣ пришла въ голову хорошая мысль супуть въ карманъ представителю закона 500 рублей.

Тогда смягчилось суровое сердце честнаго челоѣка, и, обращаясь къ подчиненнымъ, онъ сказалъ: „это, конечно, большіе злодѣи, но всегда надо поступать по-христіански. Безинокитъ меня горе женщинъ и дѣтей. Пожалуйте преступниковъ, пусть они ѣдутъ на своихъ саняхъ“.

Послѣ того, какъ Марѳа Петровна, съ разрывающимся сердцемъ, простилась съ молодымъ мужемъ и арестованные при вопляхъ родственниковъ помѣстились въ саняхъ, а рядомъ съ ними полицейскіе съ заряженными ружьями и прикнуутыми къ нимъ штыками,—тогда и начальникъ, въ сопровожденіи понятыхъ, сѣлъ въ свои сани.

Его окружили рыдающія женщины и просили его пожалѣть мужчинъ и позаботиться, чтобы ихъ не засудили окончательно и не отправили на каторгу, откуда ужъ никто не возвращается.

Загадочно посмотрѣлъ на нихъ начальникъ, болѣзненно поднимая пушистыя брови кверху.

— Всѣ мы, мои милые,—патетически воскликнулъ онъ,— всѣ подъ Богомъ ходимъ. Не падайте духомъ. Всѣ мы—христіане. Посмотримъ, что можно сдѣлать.

— Не, — прибавил онъ, когда сани ужь двинулись, — вы все—таки не спите и держите руку за пазухой.

Немного было сказано, но много подумано и—хорошо понято.

Не долѣе, какъ черезъ сутки послѣ всего этого, Карпъ Илларионовичъ съ своимъ отцомъ и четырьмя братьями очутились въ тюрьмѣ.

Двое-же понятыхъ, прежде чѣмъ выѣхать изъ города обратно, явились къ начальнику. Ихъ вѣжливо приняли и даже угостили чаемъ. Это дало имъ смѣлость спросить, какъ кончится исторія ихъ земляковъ.

— Ну, какъ кончится? — отвѣчалъ равнодушно начальникъ. — Штукъ 50 плетей, а потомъ—каторга....

Мужики повѣсили головы и перекрестились.

Наконецъ, одинъ спросилъ: „неужели-же ничѣмъ нельзя помочь имъ, ваше высокоблагородіе? Они вѣдь и на самомъ дѣлѣ хорошіе люди, смиренные. Богъ вѣсть, какъ случилось это несчастье“.

— Мы поставлены наказывать людей, разъ они сдѣлали что-нибудь худое. Дальше мы ничего не знаемъ и не смѣемъ ничего знать, — отвѣтилъ начальникъ и при этомъ сдѣлалъ такое лицо, что мужики догадались броситься къ его ногамъ и вновь продолжали:

— Ваше высокоблагородіе, помилосердуйте къ вашимъ рабамъ. Вѣдь тамъ люди не бѣдые, и, конечно, отдадутъ все, чтобы спасти только своихъ.

Начальникъ поморщилъ лобъ, покачалъ головой, подозрительно улыбнулся и сказалъ: „Встань... можно, пожалуй, кое что сдѣлать... Но вѣдь ихъ много... Всѣ знаютъ... Если это обнаружится, мнѣ придется разстаться съ семьей!.. Что вы думаете?..“

— Но кто позволять себѣ, ваша милость, порочить васъ, начальника? Вы, ваше высокоблагородіе, — баринъ и можете все сдѣлать, если пожелаете.

— Конечно... конечно... но... Я хочу вамъ сказать: отправляйтесь домой... Мы посмотримъ...

Мужики низко поклонились, сдѣлали крестное знаменіе и пошли.

А начальникъ не заставилъ ждать своихъ желаній.

Спустя нѣсколько дней, младшая изъ незамужнихъ сестеръ Карпа Илларионовича была вызвана въ канцелярію начальника. Ее тотчасъ же приняли, и она пробѣла тамъ

очень долго. А когда выходила, то лицо ея горѣло, а глаза были опущены внизъ.

А вскорѣ весь скотъ Казановыхъ напелъ себѣ Встояла подь навѣсами начальника, при чемъ и другія сестры имѣли продолжительныя аудіенціи въ частной квартирѣ начальства. И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока все личное имущество и пособіе со стороны сосѣдей не было переправлено въ городъ.

А начальникъ все еще не былъ удовлетворенъ. Однажды была заарестована и Марѳа Петровна, молодая жена Карпа Илларионовича, по подозрѣнію въ сообщничествѣ и заключена въ тюрьму.

Послѣ того, какъ она провела здѣсь нѣсколько сутокъ, надзиратель, приносившій ей хлѣбъ и воду, сталъ ее поучать: — Его высокоблагородіе ужасный человекъ, — говорил онъ, — и когда впадаетъ въ гнѣвъ — спаси васъ Богъ!.. Но молодая женщина, красивая, какъ ты.. если сдѣлаетъ ему удовольствие... побимаешь вѣдь? тогда онъ все сдѣлаетъ!... Если ты пообѣщаешь мнѣ что-нибудь подарить... я скажу тогда писарю... что ты можешь поговорить съ его милостью... я скажу... Не покончи только съ собой, кетати и съ своими... Дѣлай все, что ему хочется, слышишь? Иначе онъ будетъ золь, какъ дьяволь, и тогда... помилуй васъ Богъ и Царица Небесная!..

— Только посмѣй! — закричала Марѳа Петровна съ горящими глазами и бросилась на надзирателя. „Попробуй только! Пусть поищеть отъ другихъ женщинъ, а отъ меня онъ этого не получить никогда!“

Старикъ былъ очень удивленъ, сердито посмотрѣлъ на нее и пошелъ. Но въ дверяхъ онъ обернулся и сказалъ: „ты, слышишь — не величайся! Онъ сдѣлаетъ тебя маленькой, у него найдутся свои средства!“

При этомъ онъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ будто съкъ розгами, посмотрѣлъ на нее, оскаливши зубы, и затѣмъ исчезъ.

* * *

Черезъ нѣсколько дней повели Марфу Петровну къ начальнику. Щеки ея поблѣднѣли отъ тюремнаго воздуха, грусти и боязни, но гордость была не сломана.

Сопровождавшіе ее полицейскіе по миновенію удалились.

— Какъ тебя зовутъ? — заговорилъ съ ней старшій.

— Марѳа Петровна — по отцу, по фамиліи — Муранова.

— Такъ, п авильно: Марѳа Петровна. — Присядь здѣсь.

Марѳа повиновалась, потупивъ глаза. Ея фигура была ярко освѣщена солнцемъ. Она была хороша,—настоящая сибирская деревенская красавица.

Жаднымъ взоромъ окинулъ ее начальникъ и сказалъ: «почему ты не смотришь на меня? Я посмотрѣлъ бы на твои глаза, они мнѣ нравятся.»

Марѳа молчала, но на ея лицѣ вновь отразилось упрямство, ноздри раздувались, а щеки покрылись красными пятнами.

Кровь ударила въ голову начальника. Онъ подошелъ посмотрѣть на нее, а она противится? У него дергало руки, чтобы заставить ее сдаться.

Но онъ еще сдерживался.

— Марѳа Петровна, хочешь быть доброй ко мнѣ?—спросилъ онъ, немного погодя.

Она не отвѣчала.

— Развѣ ты не знаешь, что обязана отвѣчать, когда я тебя спрашиваю?.. Я твой баринъ и могу съ тобой сдѣлать, что угодно.

Шевельнулись углы ея губъ, но она молчала.

— А если я хочу твоего поцѣлуя?

— Ея глаза вспыхнули, и начальнику показалось, что она подавила много отвращенія.

Теперь звѣрь заговорилъ въ немъ сильнѣе. Онъ схватилъ ее за подбородокъ, поднялъ голову кверху и дико смотрѣлъ въ полуоткрытыя глаза, наполнившіеся слезами.

— Согласись!—кричалъ онъ,—и всѣ твои будутъ свободны... А если нѣтъ... быть бѣдѣ!..

Марѳа Петровна заплакала. Губы были судорожно сжаты.

Наконецъ, всхлипывая, она проговорила: «я... не могу... мужъ... совѣсть не позволяетъ...»

И когда она замѣтила, что лобъ его морщится и лицо приняло выраженіе хищнаго звѣря, она закричала: «Господи помилуй!..»

Но начальникъ теперь бушевалъ, какъ помѣшанный.

Минута,—и платье было сорвано съ Марѳы. Два полицейскихъ схватили ее, а два другихъ начали бить ее цѣлымъ пучкомъ розогъ. Старшій стоялъ тутъ же и отбивалъ ногой въ тактъ ударомъ.—Кровь струилась по обнаженному тѣлу, Марѳа кричала отъ невыносимой боли, но никто не слышалъ ее.

—Крѣпче... крѣпче,—рычалъ извергъ до тѣхъ поръ, пока она не затихла. Тогда онъ прекратилъ экзекуцію и выслалъ полицейскихъ вонъ.

Начальникъ вышелъ изъ границъ. Онъ дралъ съ мужиковъ послѣдній грошъ и билъ ихъ плетми.

Когда мать Марѳы узнала объ этомъ, она была возмущена поведеніемъ дочери. Какъ она осмѣлилась сопротивляться его высокоблагородію, который какъ ни какъ, а все таки начальникъ! Одна изъ дочерей заступилась было за Марѳу Петровну полагая, что, разъ она поклялась своему мужу въ церкви предъ Богомъ быть вѣрною, то и должна держать свое слово.

Но мать все болѣе гнѣвалась и горевала:

— До Бога высоко, до царя далеко. Тутъ ужъ ничѣмъ не поможешь!

Наконецъ, она сама поѣхала въ городъ, чтобы наставить на умъ упрямыцу, изъ за которой на всю семью обрушилось несчастіе.

Но ея содѣйствіе уже не требовалось. Предсказаніе надзирателя исполнилось: Марѳу Петровну сдѣлали маленькой.

И старый Казановъ не смогъ вынести мученій и, желая освободить, хотя родныхъ только, добровольно сознался въ убійствѣ. Его показаніе было записано въ протоколъ. Но онъ не дожилъ до слѣдствія.

А начальникъ тянулъ дѣло еще въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока не пресытился Марѳой. И тогда только были освобождены заключенные, изъ которыхъ уже ничего нельзя было выжать.

* * *

Разбитые духомъ и тѣломъ, вернулись несчастные домой. Хлѣвы и амбары—пусты. Ни зерна для посѣва.

Нищимъ вернулся Карпъ Илларионовичъ въ домъ своего отца, куда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, богатый и счастливый, онъ ввелъ свою молодую жену...

Карпъ Илларионовичъ былъ изъ тѣхъ натуръ, которыхъ ни погнуть, ни измѣнить нельзя, и, какъ всѣ сибиряки, фаталистъ въ дѣлахъ, лично его касавшихся. Чудовищную несправедливость, учиненную надъ его семьей, даже потерю унаслѣдованнаго имущества, онъ могъ перенести. Но здѣсь было еще нѣчто иное, и это обойти онъ не могъ.

Хотя онъ еще не зналъ, что случилось съ Марѳой Петровной во время его заключенія въ тюрьмѣ, по предчувствовалъ это. Почему она ходитъ съ опущенными глазами и пугливо сторонится отъ него, гдѣ только можно?

Мрачно задумчивый сидѣлъ онъ на голбоцѣ и преслѣдовалъ ее вопрошающимъ взглядомъ, пока, наконецъ, ей это стало не вмоготу.

Разъ утромъ она рассказала ему все и показала только что зарубевавшіяся раны на тѣлѣ.

Молча сидѣлъ онъ тогда и только стоналъ.

Друзья и знакомые устроили складчину на покупку самага необходимаго въ хозяйствѣ. Но Карпъ Илларионовичъ не принимался ни за что.

Жена хотѣла было опять сблизиться съ нимъ, но онъ не отвѣчалъ ничѣмъ, ни разу не поднялъ голову на ея слова и, не смыкая глазъ, метался по почамъ.

Сосѣди сочли это уныніе за болѣзнь, приставшую къ нему въ тюрьмѣ, или же соглашались съ старухой Ивановой, что Карпа Илларионовича заворожили, — изъ-за его красоты и силы, — проѣзжіе цыганы, и что все несчастіе произошло отъ злого заговора.

Карпъ Илларионовичъ день и ночь ломалъ голову. Онъ всячески хотѣлъ найти выходъ изъ случившагося и принять его, какъ наказаніе свыше, которое ниспослано ему и его счастьемъ для испытанія и укрѣпленія въ вѣрѣ. А такъ какъ въ этомъ онъ не находилъ утѣшенія, то у него созрѣла мысль повѣситься.

Марѳа Петровна чувствовала, что въ немъ происходитъ, и тщательно слѣдила за нимъ, такъ что въ ближайшее время онъ не могъ осуществить свой планъ.

Но лѣтомъ ему удалось мало по малу заручиться большей свободой. Онъ дѣлалъ видъ, что вновь интересуется жизнью и настолько этимъ привелъ въ заблужденіе свою жену, что та стала отпускать его одного въ лѣсъ на долгое время.

Въ іюнѣ однажды онъ всетаки не вернулся домой. Марѳа Петровна обыскала всѣ окрестные лѣса. Вся деревня помогала несчастной женщинѣ. Но нигдѣ ни слѣда...

Карпъ Илларионовичъ пропалъ.

* * *

Вотъ почему Казановъ въ іюнѣ не вернулся домой.

Когда онъ уже былъ готовъ лѣзть на дерево, чтобы привязать веревку, заблаговременно спрятанную имъ здѣсь, послышались шаги. Онъ живо убралъ веревку, очень удивился, когда увидѣлъ, что ѣдутъ не свои деревенскіе, а совершенно незнакомые ему люди.

Тѣ привѣтливо поздоровались и объяснили, что они странники, богомольцы, потеряли товарищей и заблудились въ лѣсу. Они уже не одинъ часъ кружатся въ лѣсу по тропинкѣ; наконецъ, на просьбѣ замѣтили его и пошли разузнать о дорогѣ.

Съ изумленіемъ слушали ихъ Карпъ и Илларионовичъ: „Куда вы идете молиться?“ — неожиданно спросилъ онъ.

— Къ печерской Божіей Матери. Развѣ вы не слыхали про нее? По всему свѣту славится она чудесами.

Они присѣли на мохъ и начали рассказывать о чудесахъ, совершавшихся въ этомъ святомъ мѣстѣ.

Когда же они достаточно отдохнули и поговорили, то попросили Карпа Илларионовича указать имъ дорогу изъ лѣса.

А тотъ сообщил имъ, что давно мечтаетъ взглянуть своими глазами на эти чудеса; и если они ничего не имѣютъ противъ, то онъ хотѣлъ-бы сейчасъ же воспользоваться случаемъ и идти странствовать съ ними.

Прохожіе очень обрадовались этому, помолились на востокъ, вскинули на плечи свои жалкіе пожитки и пошли.

Этотъ случай, спасшій его отъ самоубійства, показался Карпу Илларионовичу указаніемъ свыше; и онъ повелъ спутниковъ окольными путями какъ можно скорѣе изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ его знали. Черезъ нѣсколько дней они уже были такъ далеко отъ его деревни, что нечего было опасаться, что его найдутъ.

Вслѣдствіе всего этого и оказались безплодными поиски со стороны жены, а спустя нѣкоторое время, сельскій староста объявилъ его пропавшимъ. Марѳа Петровна долгое время его оплакивала.

Наконецъ, и у нея скорбь затихла; она начала уже забывать мужа, какъ вдругъ ее вновь арестовали и посадили въ тюрьму. Почему?—Никто не зналъ; говорили только, что начальника убилъ послѣ христовой заутрени какой-то богомольецъ.

* * *

Карпъ Илларионовичъ тащился съ богомольцами отъ деревни до деревни, отъ города до города. Онъ молился во всѣхъ монастыряхъ, падалъ ницъ передъ всѣми святыми, чтобы выплакать предъ святыми чудотворцами свое горе, выпросить у нихъ благословеніе на мечь за тѣ обиды, которыя были ему причинены.

Вначалѣ это, дѣйствительно, его успокоило. Но скоро начались новыя мученія, глубоко коренившіяся въ его душѣ.

Онъ нигдѣ не находилъ покоя, ничто не могло освободить его отъ ужасныхъ воспоминаній.

Впрочемъ, дальнее путешествіе, встрѣчи съ разнаго рода людьми и разсказы ихъ оказали на него нѣкоторое вліяніе. Онъ сталъ толковѣе, осмотрительнѣе и лучше познакомился съ жизнью. Онъ съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ разговорамъ собиравшихся въ святыхъ мѣстахъ отовсюду богомольцевъ, и здѣсь у него легко родилась мысль вернуться на родину и отомстить за обиды.

Эта новая мысль разомъ оборвала душевныя страданія. Черезъ недолгое время онъ вполне сроднился съ ней и уже составилъ планъ ея осуществленія.

Въ то время онъ находился въ Кіевѣ, въ одномъ изъ наиболѣе почитаемыхъ мѣстъ—въ Кіевской лаврѣ; здѣсь онъ день и ночь лежалъ, распростершись предъ алтарями и просилъ объ удачномъ исходѣ плана мести; молился до тѣхъ поръ, пока въ немъ не созрѣло убѣжденіе, что эту мысль дали ему сами святые чудотворцы, и что онъ долженъ быть орудіемъ суда Божія.

Послѣ молитвъ и поста онъ посвятилъ себя на выполненіе этого будто бы Божьяго произволенія, простился съ товарищами и отправился на родину.

* * *

Почти черезъ полгода пришелъ онъ въ тотъ городъ, гдѣ нѣкогда съ нимъ поступили такъ чудовищно несправедливо.

Пришелъ за христову заутреню. Церковь была полна молящимися. Онъ протѣснился впередъ, долго молился предъ алтаремъ, и когда священникъ, въ великолѣпномъ облаченіи, запѣлъ „Христось воскресе“,—онъ пробрался сквозь толпу въ самый первый рядъ, чтобы не остаться безъ благословенія Божія, которое ему, какъ апостолу и орудію Божьей мести, было необходимо.

Позади священниковъ и діаконовъ; окруженный знатными чиновниками, вошелъ въ церковь и начальникъ. Его блестящій мундиръ былъ покрытъ орденами.

Казановъ мирно пропустилъ его. Но когда процессія кончилась, онъ сталъ среди прохода, гдѣ множество богомольцевъ и нищихъ просили себѣ подаванія.

Кончилась заутреня. Народъ тѣснился около выхода, желая скорѣе понасть домой и съ троекратнымъ поцѣлуемъ привѣтствовать присутствующихъ и друзей словами „Христось воскресе!“.

Съ пылающимъ взоромъ стоялъ Казановъ въ толпѣ и поджидаль растлителя своей жены. Держась за рукоятку ножа, онъ механически бормоталъ свои молитвы.

Наконецъ, идетъ начальникъ. Какъ раненная пантера, бросился Казановъ на него и закричалъ изо всѣхъ силъ: „Разбойникъ! Убійца!“

Произошла страшная сумятица. Явились мгновенно полицейскіе и казаки. Они схватили сумасшедшаго богомольца, который теперь, стоя на колѣняхъ, наносилъ начальнику новые и новые удары ножомъ... потомъ арестованнаго заковали. Онъ былъ безучастенъ теперь,—не защищался, не говорилъ. Лишь только когда услышалъ, что докторъ сказалъ: „тутъ я не могу помочь, онъ уже умеръ“, то онъ воскликнулъ: „благодарю Тебя, Господи Боже!“

* * *

Марѳа Петровна, которую арестовали за участіе, умерла на этотъ разъ въ тюрьмѣ прежде, чѣмъ слѣдствіе было доведено до конца. Карпъ Илларионовичъ былъ приговоренъ къ 25 ударамъ плетью и къ ссылкѣ на каторгу, а въ виду отягчавшихъ вину обстоятельствъ постановлено было пожизненно приковать его на цѣпь въ тюрьмѣ.

* * *

Здѣсь-то я съ нимъ и познакомился. Разъ въ Усольѣ я отлучился изъ своей квартиры дальше, чѣмъ слѣдовало, и за это преступленіе на меня надѣли кандалы. А такъ какъ въ тюрьмѣ не было другого мѣста, то меня и помѣстили къ нему, пока, по ходатайству моихъ друзей предъ иркутскимъ генераль-губернаторомъ, чрезъ десять дней не освободили вновь.

До сихъ поръ я вижу предъ собой высокую, длинную, узкую и грязную конуру.

Вверху, на разстояніи, примѣрно, двухъ метровъ отъ пола, задѣлана была между стѣнъ желѣзная балка. Къ срединѣ этой балки къ толстому крючку была прикована тяжелая цѣпь, другой конецъ которой былъ закрѣпленъ около лодыжки правой ноги несчастнаго. Вытопанный въ кирпичномъ полу на высоту лодыжки полукругъ означалъ границу прогулокъ Казанова въ теченіи шестнадцати лѣтъ. Въ границахъ этого полукруга, около стѣны, лежала куча гнилой соломы, служившая арестанту постелью.

Въ зачумленной атмосферѣ, покрытой слоемъ грязи въ палецъ толщины, онъ исхудалъ до костей. Онъ ѣлъ очень мало, за то пилъ очень много воды и, если удавалось, чай.

Иной разъ часовые—казаки подносили ему стаканъ, потому что относились съ извѣстнымъ уваженіемъ къ „богомольцу“, который такъ печально пѣлъ церковныя пѣснопѣнія, что у иного начинало ныть сердце.

Но не смотря на всѣ эти страданія, Карпъ Илларионовичъ чувствовалъ себя вполне хорошо. Онъ все время надѣялся, что его дѣяніе еще разъ будетъ признано справедливымъ.

— Придетъ время, и мудрый царь узнаетъ, что я былъ орудіемъ Бога; тогда онъ меня освободитъ,—такъ думалъ онъ, и эта вѣра была для него блаженствомъ.

Когда я покидалъ его, онъ заплакалъ, но надѣялся, что мы вновь скоро увидимся.

Спустя нѣсколько лѣтъ, его, действительно, выпустили изъ той тѣсной клѣтки, но затѣмъ, чтобы спрятать еще въ болѣе тѣсную: тюремная чахотка положила конецъ его страданіямъ.

До послѣдняго вздоха онъ надѣялся, молился и пѣлъ тоскливо и протяжно свои церковныя пѣснопѣнія.

Ж а ш и м и л л и о н е р ы .

У покойнаго миллионера П. С. Хаминова водка подавалась въ графинѣ, на днѣ котораго былъ очень искусно устроенъ музыкальный ящикъ. Стоило только наклонить графинъ для того, чтобы налить рюмку, какъ раздавались звуки музыки.....

На аукціонѣ, послѣ смерти П. С. Хаминова*), графинъ былъ проданъ за 5 рублей.

*) Въ № 13—14 «Иркутскихъ Епарх. Вѣдомостей» (15 іюля 1914 г.) сообщается, что 11 мая с. г. по окончаніи архіерейской литургіи въ Харлампіевской церкви протодіакономъ была провозглашена «вѣчная память» П. С. Хаминову съ супругой.

П. С. Хаминовъ не былъ женатъ.

II.

„Смѣшной“ Иванъ.

По окончаніи работы въ рудникахъ, я получилъ приглашеніе на службу въ канцелярію благорасположеннаго ко мнѣ иркутскаго генераль-губернатора; въ послѣдствіи, по приказанію петербургскаго центрального управленія, я оставилъ это мѣсто, но теперь мнѣ нужна была квартира съ садомъ.

Забываясь о здоровьѣ, я привыкъ вставать рано и по утрамъ работалъ на свѣжемъ воздухѣ, а кромѣ того, намѣревался попробовать, какія изъ нашихъ европейскихъ растений можно акклиматизировать въ Восточной Сибири.

Послѣ продолжительныхъ поисковъ я, наконецъ, нашелъ желаемое; это былъ очень старый домъ, находившійся на улицѣ, далеко не изъ лучшихъ въ городѣ. А такъ какъ хозяева охотно согласились предоставить мнѣ въ полное распоряженіе довольно обширный садъ, то я остался имъ очень доволенъ.

Какъ только минула зима и земля пемного оттаяла, я принялся за свою работу, которой занимался все лѣто ежедневно отъ четырехъ до шести часовъ.

Одна сторона сада выходила на небольшую улицу, гдѣ ютился самый жалкій городской пролетаріатъ.

Вслѣдствіе множества навоза, загрязнявшаго ее, и огромныхъ лужъ, которыя тамъ появлялись даже послѣ маленькаго дождя,—въ публикѣ она имѣла далеко непривлекательное названіе. Заплоть былъ очень ветхій и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько попорченъ, что только—только защищалъ отъ нежелательныхъ визитовъ сосѣднихъ собакъ и свиней.

Однажды утромъ, копаясь въ грядкахъ, я услышалъ со стороны этой улочки человѣческой голосъ, — мнѣ казалось, — съ предложеніемъ помощи. Я взглянулъ и замѣтилъ лицо, которое какимъ то страннымъ образомъ скалило чрезъ заборъ на меня зубы. Нѣкоторое время я наблюдалъ его, но оно

все продолжало скалить зубы. Наконецъ, я подошелъ ближе и встрѣтилъ чрезвычайно оборваннаго субъекта, который, скорчившись, сидѣлъ на гнилыхъ жердяхъ забора.

— Ты кто такой?—спросилъ я.

— Ну, кто-же?—засмѣялся онъ,—конечно, Ванюша. Кто же больше быть?.. Хе... хе... хе...

Невольно засмѣялся и я, хотя смѣхъ его вовсе не казался мнѣ настолько смѣшнымъ.

— Что ты думаешь, Ванюша,—спросилъ я него потомъ,—вѣдь я хорошенько тебя не понимаю.

Но теперь онъ такъ сильно смѣялся, что слезы текли изъ глазъ.

— Панъ, а панъ,—сказалъ онъ, наконецъ, немного успокоившись,—дай мнѣ трубку табаку.

Я пошелъ за табачницей и принесъ ему горсть табаку. Сверкая глазами и смѣясь, бралъ онъ табакъ, но какъ только почувствовалъ его въ рукѣ, сжалъ кулакъ, прыгнулъ съ забора и бросился отъ меня бѣжать со всѣхъ ногъ. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я ему вслѣдъ, наблюдая каждое движеніе. На ближайшемъ углу улицы онъ повернулъ еще разъ въ мою сторону свое смѣющееся лицо, какъ будто желая удостовѣриться, что я не бѣгу за нимъ, чтобы отнять подарокъ. Потомъ онъ исчезъ.

На слѣдующій день, почти въ тотъ же самый часъ и на томъ же самомъ мѣстѣ, услышалъ я за заборомъ, что кто-то поетъ по-церковному „Господи, помилуй!“

Очевидно пѣвецъ желалъ привлечь къ себѣ мое вниманіе. Такъ какъ никого не было видно, то я подошелъ ближе. Но прежде, чѣмъ я дошелъ до забора, пѣвецъ уже взобрался на одну изъ нижнихъ перекладинъ, снялъ свою мѣховую шапку, которую носилъ, несмотря на двадцати-градусную жару, и засмѣялся.

— Да, Ванюша, это ты?—закричалъ я, стоя на кучѣ компоста, чтобы лучше его рассмотреть.

Иванъ смѣялся.

— Табакъ тебѣ понравился?

— Ахъ, да, баринъ, очень хорошъ,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь, и началъ смѣяться изо всѣхъ силъ.

Я воспользовался случаемъ, чтобы хорошенько его рассмотреть. Онъ производилъ впечатлѣніе нищаго, низшаго разбора,—совершенно опустившагося. Старые, неуклюжіе сапоги,—одинъ, доставшійся отъ какого-нибудь крестьянина, другой—отъ каторжанина,—едва держались на ногахъ. Мѣ-

ховая шапка и грязные холщевые штаны, поверхъ которыхъ выпущена рубашка, подвязанная поясомъ, дополняли убогій костюмъ. Лицо у него было круглое, плоское и сплошь обросло сѣдой бородой и, если, впрочемъ, не считать нѣкоторыхъ признаковъ лукавства, оно не имѣло ничего особеннаго.

— Ты давно здѣсь, въ Сибири?— спросилъ я.

— Въ Сибири,—зазмѣялся онъ,—хе... хе... хе... да, въ Сибири!—Больше онъ ничего не промолвилъ. Казалось, что его схватилъ судорожный смѣхъ.

Его смѣхъ напоминалъ плачь своенравныхъ дѣтей, которыя въ подобномъ состояніи часто цѣлую минуту не могутъ закрыть ротъ. Глаза были прищурены и между рѣсницами блестѣли слезы. Опираясь одной рукой и одной ногой на заплоть, въ то время какъ другая нога и рука съ далеко протянутой шапкой не имѣли опоры,—онъ словно висѣлъ на воздухѣ, и такимъ образомъ, вся фигура содрогавшаяся отъ смѣха, имѣла совершенно своеобразный видъ.

На этотъ разъ я не могъ отвѣтить на смѣхъ смѣхомъ; онъ сегодня показался мнѣ подозрительнѣе, чѣмъ въ прошлый разъ, а не такимъ бессмысленнымъ, какимъ ранѣе казался. Я пристально присматривался къ Ивану, но какъ только онъ это замѣтилъ, такъ тотчасъ же откинулъ голову назадъ и мнѣ видно стало только бороду и кончикъ носа. Я прекратилъ наблюденія и попробовалъ инымъ путемъ что-нибудь узнать у него.

—А еще табаку хочешь, Иванъ?—сказалъ я.

Мгновенно онъ пересталъ смѣяться и, держа у груди шапку и выворачивая глаза, словно онъ молился предъ образомъ, отвѣтилъ:

—Ради Христа, дайте!.. Будьте такъ добры...

Его глаза еще были влажны отъ слезъ, выжатыхъ смѣхомъ, и они такъ шли теперь къ его маскѣ,—для меня сейчасъ не было никакого сомнѣнія, что все это было только маскою.

Я далъ ему табаку, и онъ взялъ на этотъ разъ безъ смѣха и не побѣждалъ прочь. Покойно сошелъ онъ съ забора, нахлобучилъ шапку, вытащилъ изъ за пазухи обрывокъ газетной бумаги, свернулъ папироску и насыпалъ табакомъ. Потомъ досталъ, тоже изъ за пазухи, спичку и зажегъ.

Затянувшись въ первый разъ, онъ спросилъ, не подниная головы и не глядя на меня:

—А ты?.. Ты—полякъ?..

—Да.

—Такъ, такъ,—пробормоталъ онъ,—я такъ и думалъ.

Теперь онъ совсѣмъ отвернулся отъ меня, пристально

смотрѣлъ въ небо и курилъ. А я не опускалъ его изъ вида.

— Поляки—хорошій народъ,—продолжалъ онъ послѣ значительной паузы,—очень благородный, но часто бунтуютъ, сдѣлалъ еще паузу и, покачивая головой, добавилъ: „жаль!“..

Онъ очень меня заинтересовалъ, этотъ оборванный, совершенно опустившійся человѣкъ, настолько утратившій свое достоинство, что сталъ промышлять своимъ мнимымъ безуміемъ и дѣлалъ это затѣмъ, чтобы спекулировать на близорукости и добродушіи ближнихъ, шляться безъ дѣла по міру, наблюдать и который при всемъ этомъ слегка ознакомилъ меня съ своими воззрѣніями.

Надо замѣтить здѣсь, что симулянты въ Сибири встрѣчаются вообще часто, потому что въ Восточной Сибири изступленные пользуются особымъ уваженіемъ. Такъ какъ эти несчастные,—какъ ихъ называютъ,—не могутъ грѣшить, то ихъ и считаютъ „блаженными“, щедро подаютъ милостыю и благотворятъ имъ.

Конечно, довѣрчивые „братишки“ часто попадаютъ въ просакъ и лѣнтяи, у которыхъ имѣется достаточно ловкости, чтобы съ увѣренностію играть комедію, умѣло ихъ эксплуатировать.

Иванъ въ этомъ отношеніи оказался виртуозомъ, и едва—ли можно предположить, чтобы у когонибудь изъ тѣхъ, милостыней которыхъ онъ пользовался, хотя разъ мелькнула мысль о симуляціи безумія.

Онъ постоянно игралъ комедію; и даже передо мной, въ которомъ онъ давно замѣтилъ человѣка проникательнаго, онъ съ удивительной послѣдовательностію продолжалъ маскироваться.

Но въ тотъ моментъ, когда онъ обронилъ свое „жаль“ относительно того, что я полякъ,—онъ вышелъ изъ роли. Я замѣтилъ, что онъ что-то обдумываетъ; повидимому, ходъ его мыслей былъ таковъ: какъ русскій, онъ обязанъ ненавидѣть меня, поляка, возмутившагося противъ его царя, и въ то же время,—съ другой стороны,—ему не хотѣлось рисковать и подарками, которые онъ рассчитывалъ получить отъ меня.

— О чемъ ты такъ задумался?—возобновилъ я послѣ небольшой паузы разговоръ.

— Обо всемъ,—отвѣтилъ онъ.

Внезапно повернулся ко мнѣ лицомъ, сдѣлалъ рѣзкое движеніе рукой по воздуху и воскликнулъ: „все пустое!“, и снова засмѣялся, глупо и бессмысленно, какъ всегда. Спусти

нѣкоторое время, онъ надвинулъ себѣ шапку на самые глаза, бормоча подъ носъ, закачался, словно пьяный, и тотчасъ пропалъ въ грязной уличкѣ. Только я еще разъ слышалъ его бормотанье: „пустое!.. пустое!“

Черезъ нѣсколько дней вновь послышалось за заплотомъ церковное пѣніе, — знакъ, что Иванъ еще разъ почтилъ меня своимъ визитомъ. Я пошелъ къ заплоту.

На этотъ разъ онъ ужъ не смѣялся при встрѣчѣ и даже не подумалъ меня привѣтствовать, или снять свою шапку. Напротивъ, сразу же попросилъ у меня пятакъ.

— На что тебѣ пятакъ? — спросилъ я.

— Хочется стаканчикъ водки выпить.

— Водки?.. Нѣтъ. Зачѣмъ ты ее пьешь?

Но онъ не прикидывался сумасшедшимъ и опять просилъ: „будь добръ, баринъ... дай мнѣ пятакъ!“

— У меня нѣтъ съ собой, — отвѣтилъ я, посмотрѣвъ на него нѣкоторое время, — пойдемъ со мной въ комнату.

Я пошелъ, перебрался и онъ черезъ заплотъ и направился слѣдомъ. На порогъ моего жилья онъ остановился и окинулъ внимательнымъ взглядомъ комнату.

Я принесъ ему монету и сказала:

— Вотъ!.. Теперь иди и выпей на здоровье.

Онъ взялъ деньги, но, къ моему удивленію, не уходилъ, а стоялъ...

Какъ разъ въ это время отворилась дверь, — дѣвушка несла самоваръ.

Иванъ все еще стоялъ, и у меня явилась мысль пригласить его на чай.

— Иванъ, — сказалъ я, — хочешь выпить со мной стаканъ чаю?

— Какъ ваша милость будетъ, — пробормоталъ онъ, недоувѣрчиво глядя на меня съ боку.

— Иди, — сказалъ я ему, похлопывая по плечу, — у бунтовщика чай не хуже, чѣмъ у другихъ. Иди. Будемъ друзьями.

Я усадилъ гостя за столъ и палилъ чаю. Онъ, молча, пилъ, но, видимо, былъ очень занятъ своими мыслями. И лишь за четвертымъ стаканомъ онъ началъ, волнуясь: „Не вѣкъ я былъ такимъ, какъ теперь... какимъ ты меня сейчасъ видишь... Бывало, баринъ, я...“ и, съ тяжелымъ, болѣзненнымъ вздохомъ, остановился.

— Ну, что съ тобой было ранѣе? — спросилъ я.

— Ахъ! — простаналъ онъ, съ такимъ жестомъ, какъ

будто хотѣлъ разогнать свои мысли,—это очень давно было...
... такъ давно!.. Какъ сонъ... Какъ сонъ!

Онъ замолкъ, оставилъ чай и вскорѣ простился со мной. Опасаясь, что ничего не узнаю, если буду напирать на него, я не задерживалъ его. Уходя, онъ подаль руку и сказалъ: „Не всегда, баринъ, смѣялся Иванъ... Прежде онъ былъ степенный, хорошій человѣкъ... Но несчастье... все изъ-за несчастья...“

Умолкъ. Слезы мѣшали ему говорить. Внезапно повернулся, захлебываясь отъ рыданій, и ушелъ...

* * *

На утро зарядилъ дождь, и работать въ саду было невозможно. Но прояснилась погода, а Ивана все не видно. Я заскучалъ по настоящему объ немъ. Его намеки пробудили во мнѣ желаніе детальнѣе познакомиться съ его прошлымъ. Чуть только послышится шорохъ за заборомъ, какъ я уже бѣжалъ туда. А Ивана все нѣтъ, какъ нѣтъ. И никто не слыхалъ объ немъ. Прошло лѣто. Иванъ пропалъ.

Приближалась уже середина зимы. На улицахъ бушевалъ настоящій сибирскій снѣжный ураганъ. Страшно было взглянуть наружу. Я только что набилъ трубку и зашагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, какъ въ комнату вошла служанка съ докладомъ, что меня желаетъ видѣть какой то посыльный.

— Въ такую погоду!—воскликнулъ я,—когда добрый хозяинъ собаку не выгонитъ... Позовите его!

Вошелъ служитель изъ госпиталя, въ поношенномъ солдатскомъ платьѣ, и къ моему великому изумленію, сообщилъ, что онъ пришелъ изъ арестантскаго отдѣленія госпиталя и что его послалъ извѣстный „смѣшной“ Иванъ.

— „Смѣшной Иванъ?“—спросилъ я съ изумленіемъ,— да, но что онъ дѣлаетъ въ госпиталѣ?

— Умираетъ,—сухо отвѣтилъ посыльный.

— Такъ... А что ему надо отъ меня?

— Хочетъ поговорить съ вами.

— Въ такую погоду?... Ты въ госпиталѣ служишь?

— Да... Въ истопникахъ... То-есть... собственно это— другой, но онъ съ утра былъ пьянъ и его вздули; протрезвится уже—выпорютъ... вы знаете, вотъ... я, значить, и замѣняю...

Я пересталъ слушать эту болтовню и ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, обдумывая, какъ исполнить желаніе Ивана. У меня не было теплаго платья, чтобы ѣхать

въ такую непогодь, а до госпиталя было по меньшей мѣрѣ часть ѣзды.

Посыльный же, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мою разсѣянность, рассказывалъ все дальше:

—Иванъ уже обращался съ просьбой ко всѣмъ служителямъ, но отказались,—думаютъ, что онъ морочить. Какія такія знакомства могутъ быть у бродяги? А я ужъ такой человѣкъ, что не могъ отказать Ивану „смѣшному“.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, выходило, что Иванъ хвасталъ мною и что сердобольный посыльный ожидаетъ отъ меня соотвѣствующаго вознагражденія.

За четвертакъ онъ освободилъ меня отъ своей болтовни. Теперь онъ спѣшилъ, конечно, уйти, но я вернулъ его назадъ и приказалъ найти экипажъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ со мной въ госпиталь.

* * *

Черезъ два часа я уже былъ у «смѣшнаго» Ивана. Арестантское отдѣленіе было переполнено, какъ это всегда бываетъ зимой. Въ огромной палатѣ не было ни одной свободной койки, и стояла такая вонь, что можно потерять сознаніе.

Я присѣлъ къ Ивану на кровать и выразилъ свое сожалѣніе. Онъ схватилъ меня за руку. И его рука, оказалось, была покрыта влажнымъ, холоднымъ потомъ.

Онъ не могъ долго говорить, но по глазамъ было видно, что онъ радъ моему визиту. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Вы благородный человѣкъ... Да... поляки-бунтовщики, но...

Я утѣшалъ и, чтобы сократить предисловіе, зажалъ ему въ руку два рубля, полагая, что этимъ все и ограничится.

Но онъ взялъ деньги чисто механически и мало удѣлил вниманія моимъ словамъ. Но какъ только я засобирался уходить, онъ протянулъ ко мнѣ свою высохшую руку и прохрипѣлъ: „Нѣтъ, нѣтъ... Не уходите... останьтесь... Вамъ надо...“ И судорожно закашлялся.

Тогда я попросилъ себѣ скамейку и сѣлъ около.

— Послушайте,—прошепталъ онъ, и наклонилъ мою голову къ себѣ. И когда ухо почти коснулось его губъ, онъ началъ свой рассказъ, который перемежался то кашлемъ, то принадлежками слабости.

— Меня зовутъ Качугинъ, по отчеству—Кирилловичъ, имя—дѣйствительно, Иванъ,—Иванъ Кирилловичъ Качугинъ. Родомъ я изъ Калужской губерніи. Отецъ былъ пономарь

въ помѣщикемъ селѣ. И такъ какъ отецъ былъ духовнаго званія, то меня слѣдовало отдать въ школу. Девяти лѣтъ я поступилъ въ семинарію. Ахъ, что только я тамъ испыталъ! Плохая пища, убогая наука и побои! Тамъ каждую недѣлю, два раза—самое меньшее, сѣкли и держали на хлѣбѣ и водѣ.

Наконецъ, чрезъ два года я отправился домой на каникулы. Меня такъ перевернуло, что дома едва узнали. А когда увидаль меня помѣщикъ,—онъ съ удовольствіемъ встрѣтился со мной, потому что я очень походилъ на мать—вѣрно!—а она была первая красавица на весь округъ,—когда онъ увидаль меня въ такомъ видѣ, то пожалѣлъ. И я не вернулся въ семинарію. Онъ отправилъ меня вмѣстѣ со своими двумя сыновьями въ гимназію.

Все мы поступили на пансіонъ къ одному учителю. Въ началѣ все шло прекрасно. Въ глазахъ баричей я былъ мученикъ, и они ничего не дѣлали мнѣ. Но потомъ пошло иначе. Меня щипали, били, кусали, кололи иголками,—и все для своей забавы.

На каникулахъ я пожаловался отцу.

— Что?—прикрикнулъ онъ на меня,—дрянь ты такая! Забудыга, своевольникъ! Можетъ быть, ты нигилистъ? Подожди! Я тебѣ вколочу въ голову, какъ слѣдуетъ благодарить господъ за доброту и благородство!

И оттрепалъ за уши. Скоро я убѣдился, что былъ несправедливъ. Я понялъ,—воль работаетъ, а потомъ илетъ на вѣду,—вотъ,—а мы, бѣдные люди? Къ чему мы,—это знаютъ ужъ господа. Такъ установлено Богомъ, человекъ не смѣетъ тутъ ничего измѣнять.

Приблизительно черезъ годъ сыновья нашего барина поступили на военную службу. А я въ писаря въ ближайшемъ городѣ.

Лѣтъ черезъ восемь или девять умеръ нашъ помѣщикъ. Въ качествѣ наслѣдника въ деревню пріѣхалъ старшій сынъ. И вскорѣ послѣ прибытія, къ моему величайшему удивленію, пригласилъ меня къ себѣ.

— Ну, Иванъ Кирилловичъ,—ласково спросилъ онъ,—какъ живешь?

Я почтительно рассказалъ все, что было на душѣ. А онъ все время сочувственно покачивалъ головой. Потомъ усадилъ даже меня рядомъ съ собой за столъ и угостилъ хорошей водкой. Какая честь! Я, наконецъ, сталъ собираться домой. Онъ похлопалъ меня по плечу и сказалъ:

— Не правда-ли, Иванъ Кирилловичъ, ты вѣдь придешь завтра опять?

Мои родители были вѣ себя отъ гордости и радости:

— У насъ такой дѣльный сынъ!

Я тоже былъ радъ и находился въ приподнятомъ настроеніи. А какіе планы будущаго роились въ головѣ! Чѣмъ я располагалъ на должности писца въ полиціи? Тяжелая работа и ничтожное вознагражденіе. Побочные заработки были не велики. Самое большее, если еврей сунуть два—три рубля... А много-ли ихъ было въ городѣ?... А съ остальныхъ нечего было взять.

При томъ же у меня былъ романъ съ Нюшей, племянницей одного сапожника, а она постоянно требовала подарковъ.

— Получаютъ-же другія, — заявляла она, — и просто стыдъ предъ всѣмъ городомъ, Иванъ Кирилловичъ, что я люблю тебя, а подарочка нѣтъ.

Конечно, она была права. Но откуда мнѣ было взять? А какъ она играла на балалайкѣ!.. Какъ пѣла!.. И какой былъ у нея ротикъ!.. Ахъ!..

Иванъ глубоко вздохнулъ и печально прибавилъ: „всѣ мы—грѣшники!“

Онъ долго молчалъ, видимо утомленный продолжительнымъ разговоромъ.

— Чувствую, что скоро умру, — сказалъ онъ, ободравшись, — но надо развязаться съ этимъ, я долженъ еще развязаться...

Онъ сильно закашлялся. Я подалъ ему сахарной воды. Онъ шилъ и рассказывалъ, то свободно и съ оживленіемъ, то съ трудомъ лишь переводя дыханіе, — короткими, незаконченными фразами.

— Знаете, едва я дождался минуты... Баринъ однако еще разъ пригласилъ меня, и я очень волновался, когда получилъ объ этомъ увѣдомленіе. А онъ самъ встрѣтилъ меня, пожалъ руку и сказалъ, что уже поджидалъ меня. Подумайте только, какая честь!..

И пошло ужъ совсѣмъ другое. Войдя въ гостинную, что я увидѣлъ?.. Молодая писаная красавица, которой я и былъ представленъ бариномъ, какъ Иванъ Кирилловичъ, какъ его другъ. Славно меня обворожили. Такой червякъ—другъ своего барина! Въ столицѣ онъ былъ крупнымъ чиновникомъ и, навѣрное, дослужился до „вашего превосходительства“!

У меня все завертѣлось въ глазахъ. Я опрокидывалъ мебель, и когда господа сѣли за столъ, не зная, что со мной будетъ, а когда меня пригласили, то отъ волненія я

сѣлъ по-за стулу и растянулся на полу. Но худого ничего не случилось. У насъ, русскихъ, черепъ здоровый, особенно у дьячковскихъ дѣтей!

И это случилось даже къ лучшему для меня. Послѣ паденія я опаматовался и объяснилъ свою неловкость тѣмъ, что не привыкъ сидѣть въ такомъ высококомъ обществѣ. Мнѣ отвѣтили, что это пустяки и кликнули официанта Ваську. Баринъ основательно оттащаль его за уши и наругаль:

— Зачѣмъ ты, скотина, такъ неловко поставилъ стулъ; видишь, моему другу пришлось садиться рядомъ съ нимъ?

Такъ со мной обращались весь вечеръ,—любезность за любезностью...

Между прочимъ, хозяинъ спросилъ даже красавицу, находить-ли она меня красивымъ.

— О, Боже мой! Очень красивъ,—отвѣчала она, и при этомъ сдѣлала такіе удивительные глаза.

— Если бы Нюша видѣла!—подумаль я про себя.

— Самое первое, когда придешь въ городъ—разскажи ей объ этомъ. И приревнуетъ-же она тебя!...

Господа становились все добрѣе и добрѣе. Слуги относились уже ко мнѣ съ особымъ уваженіемъ. Они кланялись мнѣ въ поясъ, какъ настоящему барину... И наконецъ—самое удивительное:

— Ты, Иванъ Кирилловичъ, поѣдешь со мной въ Москву; это будетъ послѣ завтра,—неожиданно сказалъ баринъ мнѣ.

— Какъ? Я въ Москву?.. Съ своимъ баринкомъ?—Я ризнулъ ротъ. Меня словно по головѣ ударили...

И когда опаматовался, красавицы уже не было. Баринъ сказалъ, что это была его двоюродная сестра. А опъ стоялъ около стола съ листомъ бумаги въ рукахъ и говорить:

— Вотъ, Иванъ Кирилловичъ, твое прошеніе объ увольненіи. Подпиши, а я отошлю. Ты получаешь мѣсто въ моей конторѣ. Я люблю тебя. Ты поправился и моей кузинѣ. А мы ужъ позаботимся, чтобы ты былъ счастливъ.

* * *

Черезъ два дня послѣ этого мы поѣхали въ Москву,—цѣлымъ караваномъ: кухня, дворня,—все было взято съ собой. Меня посадили третьимъ въ одномъ экипажѣ съ баринкомъ и его кузиной. Вновь закружились у меня мысли въ головѣ. Одна на смѣну другой: Нюша—племянница сапожника, и широкія перспективы въ Москвѣ; вспомнились рассказы про кремлевскія святыни и царь-колоколь. Тутъ же звонъ колокольниковъ, стукъ и скрипъ колесъ. Казалось, я схожу съ ума.

Наконецъ, мы въ Москвѣ. Какъ во снѣ... все, какъ во снѣ!..

Я пришелъ въ контору. Баринъ все время очень милостивъ. Совсѣмъ иной, чѣмъ въ родномъ гнѣздѣ...

Однажды онъ потрепалъ меня по плечу и сказалъ: „что ты за счастличикъ, Иванъ Кирилловичъ... Я устраиваю тебѣ счастье... Слышишь?“.

Что онъ подъ этимъ подразумѣвалъ,—я не зналъ, но все же очень благодарилъ за его милости. А вскорѣ вотъ что случилось...

— Иванъ Кирилловичъ,—сказалъ мнѣ баринъ,—приготовься на сегодняшній вечеръ. Мы пойдемъ къ кузинѣ.

Я сдѣлалъ по его желанію и все, что было приказано... Вечеромъ пошли мы къ ней... Квартира .. о!.. одна роскошь—неописуемая!.. А какъ она насъ приняла!..

Все время она называла насъ обоихъ „мой добрые друзья“. И мнѣ она подала руку... у ней была такая славная, маленькая ручка, и мягкая, какъ бархатъ... И что за любезность!..

Мы пробыли здѣсь дѣлый вечеръ. Она пригласила насъ на другой разъ къ себѣ. И мы зачастили,—чуть не каждый вечеръ.

Разъ вечеромъ баринъ вышелъ. Я остался наединѣ съ красавицей Соней, какъ ее называлъ баринъ. И она подѣла ко мнѣ на канане. Я, было, почтительно поднялся. Но она съ силой удержала меня, посмотрѣла такъ лукаво и прошептала на ухо:

—Я страстно люблю тебя, Иванъ Кирилловичъ... А ты любишь меня?

Я совсѣмъ ничего не зналъ, что случилось... Выпилъ я, правда, хорошей водки... У Сони всегда была хорошая водка.

И все таки отвѣтилъ: „да, конечно!“.

Она обняла меня... Я лишился послѣдняго разума... И вдругъ въ комнату входитъ баринъ...

— Что это такое?—закричалъ онъ.

А красавица Соня совершенно покойно отвѣчаетъ: „это мой женихъ, дорогой братецъ... Я люблю его, какъ свою жизнь...“.

И тутъ же обняла меня вновь и поцѣловала въ обѣ щеки.

У меня все запрыгало въ глазахъ: мебель, зеркало, стѣны...

— Ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, Соня, что онъ будетъ для тебя хорошимъ человѣкомъ?—спросилъ баринъ, но „хорошій“ онъ произнесъ какъ-то особеннo.

— Конечно,—отвѣтила Соня и пожала мою руку.

— Ну, а ты, Иванъ Кирилловичъ,—обратился баринъ въ мою сторону,—желаешь жениться на пей?

— Да,—отвѣчалъ я,—если вы, сударь, позволите. Что же иначе я могъ сказать?.. Я застылъ отъ ужаса... Въ вискахъ стучало, какъ на мельницѣ... Ни одной мысли въ головѣ... Но когда пришелъ я домой, баринъ поздравилъ меня съ невѣстой.

* * *

Черезъ восемь дней послѣ этого насъ обвинчали въ отдаленной церкви... Я словно захмѣлѣлъ, когда услышалъ въ церкви изъ устъ Сони „да!...“ До того момента я все еще этому не вѣрилъ... Теперь же нельзя было сомнѣваться: Соня стала моей женой... Боже мой, если подумать о такой радости!.. И потомъ... Какая огромная разница! Если вы слышали, что я говорилъ, вы поймете, можетъ быть, какъ бравый Иванъ Кирилловичъ сталъ тѣмъ жалкимъ грѣшникомъ, какимъ вы его сейчасъ видите...

Когда мы вернулись домой, и гости уже развеселились, баринъ неожиданно отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Вотъ что, Иванъ Кирилловичъ,—Сонѣ немного нездоровится. Она поѣдетъ домой, но только одна. Правильно—по твоему, не правда-ли?..

— Да, сударь, отвѣчалъ я,—разъ это нужно...

Соня уѣхала. Я оставался, пока баринъ не подастъ мнѣ знакъ... Потомъ я простился и поѣхалъ, конечно, къ себѣ, въ свою квартиру... а не къ женѣ... Такъ угодно было барину...

* * *

Такъ я тамъ и остался жить. Соною я не видалъ и не слышалъ объ ней ничего. Сперва я не разъ ломалъ голову, чтобы опредѣлить отношенія между мной и женой... Но со временемъ я привыкъ къ такому положенію. Баринъ строжайшимъ образомъ запретилъ мнѣ навѣщать Соною безъ его разрѣшенія, и это вошло въ порядокъ. Мѣсяцевъ черезъ семь баринъ позвалъ меня и сказалъ:

— Иванъ Кирилловичъ, поздравляю... У твоей жены родился сынъ...

У меня волосы встали дыбомъ...

— Моя жена?—вскрикнулъ я,—но вѣдь я ни разу не видѣлъ ее послѣ ея...

Ну, тутъ ужъ баринъ страшно разолился.

— Дуракъ!—закричалъ онъ.—Все таки вѣдь она—твоя жена. Что ты говоришь глупости!..

И такъ посмотрѣлъ на меня, словно хотѣлъ избить... Я, конечно, замолчалъ. А когда вышелъ онъ, расхохотался...

Черезъ двѣ недѣли надо было идти къ Сонѣ крестить ребенка. Она была очень любезна, показала ребенка и сказала: „Видишь, Иванъ Кирилловичъ, какое у тебя счастье... Богъ далъ сына, и какого славнаго!..“

Я не въ силахъ былъ отвѣчать, но тутъ пришли попы и дьячки. Окрестили младенца,—сталъ Иванъ Ивановичъ Качугинъ!—получили свою мзду и ушли.

За обѣдомъ, на которомъ, кромѣ барина и меня, присутствовали воспѣмники и бабка, я ни съ кѣмъ не говорилъ. Тогда баринъ спрашиваетъ: „ну, Иванъ Кирилловичъ, счастливъ-ли ты своимъ сыномъ?“

Я началъ смѣяться, такъ громко, что онъ выкрикнулъ: — Ты, дурацкая голова, перестанешь смѣяться?

Конечно, я замолчалъ.

* * *

Такимъ же порядкомъ приобрѣлъ я еще двоихъ дѣтей. И каждый разъ, когда меня поздравляли съ новорожденнымъ, я смѣялся... всегда смѣялся... Да и на самомъ дѣлѣ развѣ это было не смѣшно?..

И Иванъ залился конвульсивнымъ смѣхомъ, который смѣшивался съ ужасными приступами кашля, пока не обезсилѣлъ окончательно. Онъ дышалъ коротко, и съ трудомъ. Я снова предложилъ ему выпить сахарной воды. Но прошло не менѣе десяти минутъ, прежде чѣмъ онъ сталъ въ состояніи вновь рассказывать.

— Такъ то я прожилъ болѣе четырехъ лѣтъ въ Москвѣ. Тамъ кой-чему научать... да! А я ужъ все зналъ... Но только смѣялся и... велъ свою конторскую работу. Работы было не много, не много больше, чѣмъ у моей жены... Позаботились обо всемъ. . Баринъ сдержалъ свое обѣщаніе—сдѣлалъ меня счастливымъ... На то онъ и дворянинъ. Самъ онъ женился не графинѣ, но не по любви,—какъ это называется,—а только потому, что она была богата. Она почти всегда жила въ своемъ имѣньи... О, да... Я уже все зналъ, но... ахъ! всѣ мы—грѣшники.

Иванъ опустилъ голову на грудь. Его руки были вытянуты поверхъ сѣраго одѣяла, тонкія, высохшія... Дыханіе едва было уловимо. Хотѣлъ перекреститься, но не хватило силъ, и болѣе онъ уже не пытался.

Ввалившіеся глаза, глубоко спрятаннныя подъ голымъ черепомъ, были закрыты. Наконецъ, онъ еще разъ собирался съ силами.

— Я пробрался,—прохрипѣлъ онъ сиплымъ, едва слышнымъ голосомъ.—Была страшная ночь... Я послушался... Хорошіе пріятели... такъ долго издѣвались надо мной, что я озвѣрѣлъ... Всѣ мы—грѣшники!...

Подъ вратыю моей жены я спрятался. И думалъ только объ одномъ: острый ножъ... ему въ грудь за то, что сдѣлалъ меня такимъ счастливымъ. Страху не было... Я словно звѣрь былъ... А время тянулось такъ медленно, минута—за годъ. Наконецъ... Они смѣются съ сосѣдней комнатъ... Идутъ.. Ахъ! Соня несла лампу и поставила ее въ спальной на столъ. И она смѣялась... такъ счастливо... такъ искренно, моя милая жена.. О, какой я грѣшникъ!.. Я поджидалъ, скоро-ли они заснутъ, и не могъ... Они были такъ счастливы, смѣялись такъ весело... О! сердце во мнѣ поворачивалось, когда я слушала ихъ. Я не могъ ждать!.. Я пробрался до постели... Соня раздѣвалась и увидѣла меня... „Разбойникъ!“—крикнула она... Что было даіѣе, я не знаю. Знаю только, что пришла мысль, что моя жертва можетъ уйти и что я... какъ тигръ, набросился на него и...

— О, Господи, помилуй!—воскликнулъ внезапно Иванъ такъ громко, что всѣ обратили на насъ вниманіе. Потомъ его грудь опустилась, онъ умолкъ.

Я прислушался, Онъ еще дышалъ, но уже очень тихо. Всѣ наблюдали за нами.

— На судъ,—прохрипѣлъ, наконецъ умирающій,—я смѣялся только.... смѣ...ялся...только...смѣ...

И умеръ. Я прислушивался еще нѣсколько времени, но все было тихо.

Иванъ пересталъ смѣяться...

Перев. съ нѣмецкаго Ѳ. Г. Ширяевъ.

Е. П. Михаэлисъ.

2-го декабря 1913 г. въ г. Устькаменогорскѣ скончался на 71-мъ году жизни Е. П. Михаэлисъ. Имя покойнаго хорошо извѣстно въ ученой и общей литературѣ. Безпорядки 1861 г. въ Петербургскомъ университетѣ выкинули Михаэлиса въ Сибирь, откуда онъ уже не хотѣлъ выѣзжать. На сестрѣ Михаэлиса былъ женатъ Шелгуновъ. Михаэлисъ былъ крупной фигурой и въ Петербургскомъ университетѣ и въ жизни. Его серьезная эрудиція и отличное знаніе имъ Западной Сибири создали ему справедливое уваженіе въ ученomъ мѣрѣ, гдѣ имя его стояло высоко. О немъ остались печатныя воспоминанія Шелгунова, Боборыкина, Пантелѣева, Михайлова М. И. и др. Онъ былъ геологъ, химикъ, насадитель рациональнаго пчеловодства на Алтаѣ, изслѣдователь верховья Иртыша, европейски образованный человекъ, блестящій—въ молодости огненный—ораторъ, живой, остроумный собесѣдникъ, глубокой гибкой умъ, сильный характеръ, какой создавали шестидесятыя годы минувшаго столѣтія. Михаэлисъ—глубоко яркая личность, колоритная, поражающая богатствомъ своихъ духовныхъ дарованій. Этотъ метеоръ свѣтилъ и въ такой глуши, какъ Устькаменогорскъ. Смерть его отмѣчена русской и киргизской печатью, разными учеными обществами, посвятившими его памяти особыя засѣданія. Приводимъ аттестатъ Михаэлиса, выданный ему управленіемъ акцизными сборами Томской губерніи и Семипалатинской области.

„Предъявитель сего, бывшій старшій помощникъ надзирателя 5-го уч. 5-го округа управленія акцизными сборами Томской губерніи и Семипалатинской области, надворный совѣтникъ, Евгений Петровичъ Михаэлисъ, какъ видно изъ служебныхъ его документовъ, родился 26 сентября 1841 года; вѣроисповѣданія православнаго; имѣеть ордена: св. Влѣдимира 4-й степени, св. Станислава и св. Анны 3-й степени и серебрянную медаль въ память царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III; происходитъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи; воспитаніе получилъ во 2-й С.-Петербургской гимназіи, откуда переведенъ на

казенный счетъ въ ИМПЕРАТОРСКІЙ АЛЕКСАНДРОВСКІЙ Лицей, гдѣ пробылъ три года, окончилъ половину курса и выдержалъ экзамень для 2 класса, перешелъ безъ экзамена въ ИМПЕРАТОРСКІЙ С.-Петербургскій университетъ по физико-математическому факультету, по отдѣленію естественныхъ наукъ, но изъ 3-го курса выбылъ. Съ разрѣшенія г. генераль-губернатора Западной Сибири отъ 17 октября 1869 г. за № 2408 принять на службу по Семипалатинской области и приказомъ военного губернатора этой области 22 ноября 1869 года за № 71 назначенъ помощникомъ дѣлопроизводителя въ хозяйственное отдѣленіе областного правленія. Приказомъ военного губернатора Семипалатинской области отъ 21 апрѣля 1870 г. за № 24 допущенъ въ и. д. младшаго чиновника особыхъ порученій съ 21 апрѣля 1870 года. По распоряженію г. военного губернатора отъ 6 мая 1870 г. за № 3736 командированъ на урочище Сейтень для присутствованія на чрезвычайномъ съѣздѣ. Тогда же было поручено изыскать направленіе для почтовой дороги между Семипалатинскомъ и Каркаралами. Завѣдывалъ путевою канцеляріею г. военного губернатора при объѣздѣ имъ Государственной границы съ Китайскою имперіею и пограничныхъ отрядовъ съ 1-го августа по 11-е сентября 1870 года. Предложеніемъ г. военного губернатора отъ 2-го сентября 1870 г. за № 87 поручено ему все дѣлопроизводство по пересмотру временнаго положенія. Приказомъ г. военного губернатора Семипалатинской области отъ 20 октября 1870 г. за № 71 назначенъ временно секретаремъ Семипалатинскаго областного по городскимъ дѣламъ присутствія. По предложенію г. военного губернатора отъ 7 мая 1871 г. за № 3354 былъ командированъ въ Зайсанское приставство для осмотра окрестностей онаго и съ цѣлью опредѣлить, въ коихъ можно бы произвести развѣдки каменнаго угля, известняка, гдѣ находился по 27 іюля 1871 г. Изъ числа ассигнованныхъ въ распоряженіе г. генераль-губернатора Западной Сибири 5 тысячъ рублей, съ разрѣшенія его высокопревосходительства, назначено ему въ 1871 году за усердную службу въ награду 100 руб., о чемъ состоялся приказъ г. военного губернатора 27 мая 1871 г. за № 35. По указу областного правленія отъ 28 декабря 1871 г. за № 9423, съ разрѣшенія военного губернатора, былъ командированъ въ Кучукъ—Табуклипскую волость, Семипалатинскаго уѣзда, для производства дополнительнаго слѣдствія по дѣлу о смерти киргиза Досумбекова. По указу областного правленія, основанному на резолюціи г. военного губернатора, наложенной на журналъ областного правленія, состоявшемся 4-го февраля 1872 г. команди-

рованъ для производства слѣдствія въ Конурь-Кокче-Табуклинскую волость, Семипалатинскаго уѣзда, о поступкахъ и упу-щеніяхъ бывшаго Семипалатинскаго судьи Блау, по производству симъ послѣднимъ слѣдствія объ убійствѣ киргиза Досумбекова и проч., гдѣ и находился по 26 апрѣля 1872 года. На основаніи журнальнаго постановленія областного правленія, состоявшагося 22 мая 1872 г. и утвержденного г. военнымъ губернаторомъ 27 мая 1872 г., находился въ командировкѣ для участія въ генеральной повѣркѣ и вообще наблюденія за правомъ торговли и промысловъ на казачьихъ земляхъ Семипалатинской области и городахъ Семипалатинскѣ, Устькаменогорскѣ, Кокпектахъ, станицѣ Каркаралинской и Зайсанскомъ посту. Изъ числа ВЫСОЧАЙШЕ предоставленныхъ въ распоряженіе г. генераль-губернатора Западной Сибири 5 тыс. руб., съ разрѣшенія его высокопревосходительства, назначено ему, Михаэлису, въ награду за усердную и ревностную службу въ 1872 г. 70 рублей, о чемъ состоялся приказъ военного губернатора Семипалатинской области 29-го мая 1872 г. за № 44. Приказомъ г. военного губернатора Семипалатинской области, состоявшимся 20 октября 1872 г. за № 80, допущенъ къ и. д. старшаго чиновника особыхъ порученій при его превосходительствѣ съ 20 октября 1872 года. Изъ числа ВЫСОЧАЙШЕ предоставленныхъ въ распоряженіе г. генераль-губернатора 5 тыс. рублей, съ разрѣшенія его высокопревосходительства, назначено ему, Михаэлису, въ награду за усердную службу въ 1873 году 70 руб., о чемъ состоялся приказъ г. и. д. губернатора Семипалатинской области 6 мая за № 32. Вслѣдствіе представленія г. генераль-губернатора Западной Сибири и ходатайства г. министра внутреннихъ дѣлъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, какъ видно изъ предложенія генераль-губернатора на имя управл. Семипалатинскою областью 30 нояб. 1873 г. за № 2603, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ на освобожденіе г. Михаэлиса отъ секретнаго полицейск. надзора, какъ во время состоянія на службѣ, такъ и впослѣдствіи. Изъ числа ВЫСОЧАЙШЕ предоставленныхъ въ распоряженіе генераль-губернатора Западной Сибири 5 тыс. рублей, съ разрѣшенія его высокопревосходительства, назначено въ награду 50 руб. въ 1874 г., о чемъ состоялся приказъ 2 іюля 1874 г. за № 41. По журналу областного правленія, управлялъ распорядительнымъ отдѣленіемъ съ 19 марта по 8-е мая 1875 года. Указомъ правительствующаго сената отъ 9 января 1876 г. за № 2 произведенъ въ коллежскіе регистраторы со-старшинствомъ съ 22 мая 1870 г. Указомъ правительствующаго сената отъ 21 марта 1877 г. за № 47 произведенъ за

выслугу лѣтъ въ губернскіе секретари со старшинствомъ съ 22 мая 1873 года. Приказомъ военнаго губернатора 12 мая 1877 г. за № 32 утвержденъ въ настоящей должности съ 21 марта 1877 г. Указомъ правительствующаго сената отъ 10 мая 1878 г. за № 1503 произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ коллежскіе секретари со старшинствомъ съ 22 мая 1876 г. Приказомъ г. и. д. губернатора 1-го іюня 1878 г. за № 37 назначенъ къ и. д. секретаря Семипалатинскаго областного статистическаго комитета съ того же 1-го іюня 1878 года. Приказомъ и. д. губернатора отъ 26 іюля за № 50 утвержденъ въ этой должности съ оставленіемъ въ должности старшаго чиновника особыхъ порученій съ 26 іюля 1878 г. По распоряженію и. д. губернатора отъ 5 сентября 1878 г. за № 8912 командированъ для присутствованія при проведеніи границы между Чарской и Солусаринской волостями. Исполнительный рапортъ представленъ 18 іюля того же года за № 13. Съ разрѣшенія г. генераль-губернатора Западной Сибири командированъ въ 1879 г. для изслѣдованія теченія рѣки Иртыша въ предѣлахъ Семипалатинской области, но, за неокончаніемъ въ томъ году этого порученія, вновь былъ командированъ для исполненія такового въ навигацію 1880 г. Данное порученіе въ томъ же году исполнилъ, о чемъ было донесено г. военному губернатору 25 октября за № 17. Завѣдывалъ путевою канцеляріею г. военнаго губернатора при поѣздкѣ его превосходительства въ Омскъ въ октябрѣ 1880 г. Указомъ правительствующаго сената отъ 25 февраля 1881 г. за № 24 произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ титулярные совѣтники со старшинствомъ съ 22 мая 1879 г. По поводу жалобъ киргизъ Аксуйской волости, Павлодарскаго уѣзда, на неправильные выборы на должность волостного управителя, по распоряженію г. военнаго губернатора, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1880 г. былъ командированъ для присутствованія при производствѣ новыхъ по сему предмету выборовъ; порученіе это окончено 1880 г. декабря 26. По распоряженію г. генераль-губернатора Западной Сибири временно исправлялъ должность Семипалатинскаго уѣзднаго судьи съ 1-го по 27 февраля 1881 г. Съ разрѣшенія г. генераль-губернатора Западной Сибири временно исправлялъ должность Семипалатинскаго областного прокурора съ 26 января по 28 августа и Зайсанскаго пристава съ 1 сентября по 21 декабря 1881 года. За отлично усердную службу въ 26-й день февраля 1882 г. ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ награжденъ орденъ св. Станислава 3-й степени. Съ 1875 г. ежегодно составлялъ проекты **ВСЕПОДДАННѢЙШИХЪ** отчетовъ о со-

стоянии области и приложеній къ нимъ, велъ переписку по наиболѣе важнымъ дѣламъ хозяйственнаго и распорядительнаго отдѣленій областного правленія и участвовалъ въ ревизіяхъ, производимыхъ г. начальникомъ области въ областномъ правленіи и въ уѣздныхъ управленіяхъ. Согласно предложенія г. генераль-губернатора Западной Сибири отъ 9 апрѣля 1882 г. за № 492, управлялъ съ правомъ голоса распорядительнымъ отдѣленіемъ областного правленія съ 1-го мая по 15-е сентября 1882 г. Постановленіемъ управляющаго акцизными сборами Западной Сибири, состоявшимся 29 октября 1882 г. за № 51, опредѣленъ помощникомъ надзирателя УИ акцизнаго округа Западной Сибири съ 29 октября 1882 г. Указомъ правительствующаго сената отъ 8 апрѣля 1883 г. за № 35 произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ коллежскіе ассесоры со старшинствомъ съ 22 мая 1882 г. Указомъ правительствующаго сената отъ 8 октября 1886 г. за № 11557 за г. Михаэлисомъ признано право на полученіе добавочнаго жалованія за Сибирскую службу съ 22 мая 1875 г. Изъ переводнаго же требованія департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ на имя Томской казенной палаты отъ 28 февраля 1882 г. за № 4516 видно, что Михаэлису разрѣшено добавочное жалованіе за первое пятилѣтіе съ 22 мая 1875 г. по 22 мая 1880 г. изъ оклада 166 руб. 66¹/₂ коп. въ годъ и съ этого числа по 29 октября 1882 г., т. е. по день его перехода изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ министерство финансовъ изъ оклада 333 руб. 33 коп. въ годъ. Указомъ правительствующаго сената отъ 7 января 1887 г. за № 5 произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ надворные совѣтники со старшинствомъ съ 22 мая 1886 г. Пожалованъ серебряною медалью, установленной ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, въ память царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, 26 февраля 1896 г. Постановленіемъ управляющаго акцизными сборами Томской губерніи и Семипалатинской области отъ 28 сентября 1898 г. за № 3, вслѣдствіе приказа г. министра финансовъ объ учрежденіи съ 1-го августа 1898 г. вмѣсто управленія акцизными сборами Западной Сибири самостоятельныхъ акцизныхъ управленій—одного для Томской губерніи и Семипалатинской области, другого для Тобольской губерніи и Акмолинской области,—зачисленъ по занимаемой имъ должности въ списки должностныхъ лицъ управленія акцизными сборами Томской губерніи и Семипалатинской области съ 1-го августа 1898 года. Постановленіемъ того же управляющаго отъ 29 сентября 1898 г. за

№ 4, согласно вновь назначенной нумерации округовъ управленія акцизными сборами Томской губерніи и Семипалатинской области, переименованъ старшимъ помощникомъ надзирателя пятого акцизнаго округа съ 29 сентября 1898 г. За прослуженіе 12 лѣтъ сряду въ одной должности въ 3-й день февраля 1899 года ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ пожалованъ ордепомъ св. Анны 3-й степени 3 февраля 1899 г. Постановленіемъ управляющаго акцизными сборами Томской губерніи и Семипалатинской области, состоявшимся 16 іюля 1899 г. за № 31, переименованъ, согласно нумерации округовъ и участковъ управленія, помощникомъ надзирателя 3-го участка того же 5-го округа съ 16 іюля 1899 года. За 35-лѣтнюю безпорочную въ классныхъ чинахъ службу ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ пожалованъ въ 22 день сентября 1901 г. орденемъ св. Владиміра 4-й степени. Согласно новаго распределенія управленія на округа и участки, переименованъ старшимъ помощникомъ надзирателя 4 уч. 5-го округа, съ 1-го сентября 1902 г. За особо выдающіяся заслуги по учрежд. казен. продажи питей въ Томской губерніи и Семипалатинской области, по приказанію г. управляющаго министерствомъ финансовъ, выдано въ 1902 году въ награду 250 рублей. Согласно новаго распределенія управленія акцизными сборами на округа и участки, переименованъ старшимъ помощникомъ надзирателя 5-го участка 5-го округа съ 1-го іюля 1904 г. Постановленіемъ управляющаго акцизными сборами Томской губерніи и Семипалатинской области отъ 26 августа 1908 г. за № 48 уволенъ, согласно прошенія, отъ должности и службы съ 24 августа 1908 года. Въ походахъ противъ непріятеля не былъ; наказаніямъ и взысканіямъ, соединеннымъ съ ограниченіями въ преимуществахъ по службѣ, а также выговорамъ, палагаемымъ въ административномъ порядкѣ, не подвергался; въ отпускѣ былъ въ 1908 году съ 24 апрѣля по 24 августа-день увольненія отъ службы; въ отставкѣ не былъ; женатъ вторымъ бракомъ на вдовѣ казака перваго брака Елизаветѣ Алексѣевнѣ Косихиной, родившейся 5 сентября 1862 г. въ бракъ вступилъ 20 августа 1897 г.; имѣеть усыновленную дочь Людмилу, родившуюся 24 ноября 1889 г. Жена и дочь вѣроисповѣданія православнаго; дочь при родителяхъ. Въ удостовѣреніе изложеннаго управленіемъ акцизными сборами Томской губерніи и Семипалатинской области данъ сей аттестатъ надворному совѣтнику Михаэлису за надлежащимъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати. Г. Томскъ. 1908 года, сентября 19 дня. Написанному „1875 г. по 22 мая“—вѣрить. Управляющій Несмѣловъ. Секретарь Орловъ. (М. П.) Г. Б.

подъ вліяніемъ недавнихъ похоронъ дочери Илькауля; поэтому всѣ рѣшили отправиться въ ближайшую деревню Каштакъ. У лодокъ осталась одна только Дыривукъ, жена Илькауля. Она еще не могла оправиться отъ горя. Съ грустью она смотрѣла на волны и ту сторону Енисея, на чужой и ненужный для нея городъ, гдѣ осталась навсегда ея дочь. Теперь дочь ея среди русскихъ покойниковъ, на чужбинѣ, но душа ея у бога. Такъ думала мать, потерявшая навсегда свое любимое дѣтище. Времени много прошло, а Дыривукъ все сидѣла на берегу и грустила о потерянной дочери. Грусть ея была глубока, она не могла оторваться отъ думъ и не замѣтила даже, какъ къ ней подошелъ тунгусъ Оргали.

— Топоръ есть?—спросилъ Оргали глухимъ неестественнымъ голосомъ.

— Нѣтъ топора!—отвѣтила Дыривукъ и, оглядывая тунгуса, спросила,—зачѣмъ тебѣ топоръ?

Оргали глухо отвѣтилъ:

— Ногу, мнѣ ногу отсѣки! Отерпла!

Дыривукъ поняла безпокойство сородича и молча направилась въ чумъ. Тамъ лежалъ уже пьяный тунгусъ Помпота, а рядомъ съ нимъ его жена Накиликъ, напѣвавшая на ломаномъ русскомъ языкѣ какія то пѣсни. Слѣвъ ихъ Аверьянъ растерянно стоялъ посреди чума и мялъ въ рукахъ шапку. Огонь погасъ въ чуму и было холодно.

Дыривукъ, заглянувъ въ чумъ, отправилась въ деревню Каштакъ отыскивать своего мужа. На пути она встрѣтила возвращавшихся навеселѣ тунгусовъ и вернулась съ ними обратно.

Къ вечеру погода нѣсколько утихла и тунгусы снова двинулись въ путь. На слѣдующій день къ вечеру они достигли д. Лифантьевой, въ окрестностяхъ которой была масса брусники. Здѣсь сдѣлали стоянку, подѣлали берестяной посуды подъ бруснику и занялись сборомъ ягодъ для продажи русскимъ, чтобы на вырученныя отъ продажи деньги запастись нужнымъ провіантомъ на все время соболиннаго промысла. За три дня стоянки ягодъ набрали около 50 пудовъ; весь этотъ сборъ продали гуртомъ по 1 руб. за пудъ; купили пороху, свинцу и вина и отправились къ соболиннымъ „ухожнямъ“. Илькауль заложилъ еще шелковое платье своей жены, купилъ вина, устроилъ по дочери поминки и тунгусы, раздѣлившись на двѣ партіи, отправились на промыселъ.

Часть двинулась прямымъ путемъ, на р. Пинчугу. Тамъ у нихъ русскіе поѣли восемь оленей,—такъ они намѣревались попутно зайти въ Пинчугскую волость и затѣять „тяжбу“. Тунгусамъ доподлинно было извѣстно, что оленей выкрали крестьяне чуть ли не всей деревни.

Николай съ Илькаулемъ также намѣревались идти на р. Пинчугу, да отдумали и хорошо сдѣлали. Еслибы они отправились туда на прямикъ, то, вѣроятно, ихъ съѣлъ бы медвѣдь. Ихъ брата Дыльбика по дорогѣ туда нагналъ медвѣдь и задалвилъ у него всѣхъ собакъ, вслѣдствіе чего Дыльбикъ вынужденъ былъ вернуться обратно.

Повалилъ мокрый снѣгъ. Мы остановились въ березовомъ лѣсу, немного не дойдя до Собольей рѣчки. Первый снѣгъ быстро стаялъ, ждали поваго. Съѣстной припасъ уже выходилъ. Случайно добыли двухъ соболей, на которые купили хлѣба. Изъ березоваго лѣса пошли къ Лифантьевскому бору. Мужчины, по обыкновенію, шли впереди, а сзади тащились женщины съ дѣтьми и скарбомъ. Позади всѣхъ едва волокла ноги старая Кучу. Она еще могла передвигать ногами, кое что дѣлать и зрѣпія не утратила, иначе ее просто оставили бы на произволь судьбы.. Старость у тунгусовъ не въ почетѣ.. На счастье старухи отъ обоза отсталъ теленокъ, у горки блага мха. Женщины остановились и стали кликать теленка. За время этой остановки старая Кучу догнала поѣздъ и попросила женщинъ поймать для нея оленя. Ворчливая и сердитая была старая Кучу, невѣстки не особенно долюбивали ее, но блепа поймали, усадили „старую“ верхомъ, и отправились дальше.

Длинной вереницей развертывался поѣздъ на равнинахъ и снова терялся въ гущѣ лѣса. Тайга оживала, раздавались громкіе крики мужчинъ, смѣхъ и визгъ женщинъ, лай собакъ и хорканіе оленей. Все это сливалось въ общій гамъ, далеко разносившійся по лѣсу. Поѣздъ замыкала старая Кучу. Не первый разъ ѣхала старуха по этой дорогѣ. Много она извѣдила мѣсть на своемъ вѣку. Всю тайгу знаетъ до самого моря. Никто лучше ея и собольинныхъ ухожей не знаетъ. Только годъ отъ года соболей стало меньше; сохотныхъ тоже не стало и, народу жить теперь трудновато.. Такъ думала старая Кучу и дремала на ѣздѣ, мѣрно покачивалась изъ стороны въ сторону сидя на одной правой сторонѣ широкаго сѣдла.

Вдругъ изъ чащи лѣса, неожиданно для животныхъ, выскочила чужая отставшая собаченка. Олени испугались и шархнулись въ сторону. Нѣкоторые оборвали поводья; выюки попадали и старая Кучу также упала, какъ пенужный грузъ

Женщины подняли неистовый крикъ. Мужчины воротились къ обозу и съ большимъ трудомъ поймали оленей, которыхъ снова обвючили и двинулись дальше на р. Пинчугу. Къ вечеру достигли деревни Лифантьевой, гдѣ и остановились. Мужчины отправились за хлѣбомъ въ деревню, а женщины остались въ чумахъ. Ночью раздался частый и безпокойный звонъ церковнаго колокола: деревня загорѣлась.

Эта была та деревня, обитатели которой выкрали у тунгусовъ оленей. Море огня освѣщало деревушку. Видно было, какъ въ безпокойствѣ бѣгали фигуры, суетились, кричали. А тунгусы вышли изъ чумовъ и, любуясь зрѣлищемъ пожара, начали плясать танецъ мести.... Зрѣлище было импозантное....

Между прочимъ, мужчины встрѣтили въ деревнѣ тунгуса Кислаго, который, подъ влияніемъ выпитаго вина, паплетъ тунгусамъ, что у Бурмакинскихъ болотъ появилась масса дикихъ оленей, которые, по его словамъ, такъ сіяли, такъ и свѣтились....

Тунгусы повѣрили Кислому, ибо врать въ подобныхъ случаяхъ у тунгусовъ было не принято, и немедленно отправились къ Бурмакинскимъ озерамъ. Оказалось, что Кислый навралъ самымъ невѣроятнымъ образомъ; не только оленей, но и слѣда на Бурмакинскихъ озерахъ какого либо звѣря они не видали.

Осенній снѣгъ повалилъ рано и выпалъ глубокій. Тунгусы двинулись къ сѣвернымъ ухожнямъ. Къ Рождеству они вышли въ д. Тунгузку и вынесли съ собой до трехъ десятковъ соболей. Таборъ сдѣлали временный, верстахъ въ десяти отъ д. Тунгузки. Моха не было. Мужчины отправились въ деревню продавать соболей, а жены съ дѣтьми остались у оленей. Мужья обѣщали вернуться возможно скорѣе, ибо скотъ оставался голодомъ, но день клонился къ вечеру, а они не возвратились. Женщины безпоковались, но молчали. Наконецъ, старая Кучу первая высказала свои мысли вслухъ: „переходъ большой.. морозъ... могутъ замерзнуть“...

Женщины еще больше обезпокоились и пошли къ ближайшему утесу посмотреть, не идутъ ли гдѣ ихъ мужики. Солнце уже закатилось, стало темно и дулъ сѣверный вѣтеръ. На ночь женщины наскоро сдѣлали юрту, закрыли ее шкурами*) и нарубили дровъ. Оленей привязали къ деревьямъ, ибо моху не было. Согрели чай, напились и думали уже залечь спать, какъ старая Кучу заворчала:

*) Покрывала изъ оленьихъ шкуръ.

— Чего вы думаете? Замерзнуть мужики; идите ищите ихъ!

Дыривукъ, Ноколикъ и Хильтыкъ, втроемъ, отправились въ поиски за мужьями. Онѣ зажгли лучины и пошли къ утесу. Съ вершины утеса послышалось уханье какой то ночной птицы. Женщины приняли этотъ крикъ за нечистаго духа, побросали лучины и побѣжали по направленію къ крестьянской санной дорогѣ. Прибѣжали къ первому спуску, а внизу тунгусъ Помпоты, пьяный, лѣзетъ на взвозъ.

— Гдѣ товарищи?—спрашиваютъ женщины.

— Тамъ, одинъ на дорогѣ, у рѣки!—И закричалъ благимъ матомъ какую то пѣсню....

Женщины побѣжали встрѣчать оставшаго тунгуса. Дѣйствительно, возлѣ санной дороги, по бѣлому снѣгу, ползетъ Илькауль на четверенькахъ; рукавиць нѣтъ. Саженьяхъ въ десяти отъ него лежалъ мѣшокъ хлѣба, кожа и лыжи. Женщины, недолго раздумывая, положили Илькауля на кожу и потащили волокомъ къ табору. Притащили къ взвозу; Дыривукъ разбудила Илькауля и говорить ему:

— Теперь самъ лѣзь на взвозъ!

Но Илькауль былъ сильно пьянъ и подпяться самъ собою не могъ.

На разговоръ пришла вдова Мымча, здоровенная баба, по силѣ неуступавшая доброму мужику. Мымча безъ долгихъ разсужденій взвалила Илькауля себѣ на плечи и втащила на взвозъ. Съ табора на крикъ и хохотъ женщинъ выбѣжала съ зажженной лучиной тунгуска Иларончи; разложили огонь и стали отогрѣвать несчастнаго тунгуса, уже оцѣпенѣвшаго отъ холода. Затѣмъ, его утащили на таборъ, напоили чаемъ и уложили, какъ малаго ребенка, спать.

Назавтра жена Илькауля, Дыривукъ, отъ насады заболѣла животомъ. Смѣшно и жалко было смотрѣть на согбенную, стонущую Дыривукъ. По своему она любила мужа, ни однимъ словомъ она не упрекнула его за пьянство, но зато многозначительно стонала и этотъ стонъ, кажется, вѣрнѣе дѣйствовалъ на ея благовѣрнаго.

На слѣдующій день солнце уже высоко поднялось, а сородичей все еще не могли дождаться изъ деревни. Приблизительно въ полдень пили чай. Тунгусъ Помпоты, обращаясь къ своему брату, говорить:

— Дыльбикъ, иди искать свего отца въ деревню. Онъ загулялъ!

— Пускай, хоть на тотъ свѣтъ прогуляется, а искать я его не пойду,—отвѣтилъ Дыльбикъ.

Такое неуваженіе къ отцу возмутило старшаго брата и онъ, въ порывѣ гнѣва, бросилъ горящей головней въ Дыльбика. Тотъ вскочилъ и схватилъ за волосы Помпоты. Завязалась драка. Женщины подняли крикъ, дѣти заплакали. Однако въ драку вмѣшалась здоровенная Мымча и братья.

И какъ то разомъ все утихло....

Олени были голодны, поэтому Илькауль съ женщинами двинулся въ боръ къ ближайшему моховищу, а Дыльбикъ съ Ноколикъ и дѣвушкой Оедо пошли въ деревню отыскивать сородичей. До деревни они дошли только къ вечеру и деревня уже спала. Дыльбикъ вышелъ на улицу деревни и совѣтуется съ бабами, куда идти. Изъ одного домишка свѣтилъ огонь—пошли туда. Подошли къ избѣ, постучали въ окно. Русскій отворилъ имъ двери. Дыльбикъ зашелъ въ избу и видитъ: отецъ пьяный валяется на полу.

Остальные тунгусы, какъ оказалось, все ушли къ устью Туугузки, къ ближайшему моховищу. Остался въ деревнѣ только старый Борончу.

Сынъ разбудилъ отца и повелъ его домой, старикъ началъ упрямиться. Тогда Дыльбикъ накинулъ отцу на шею петлю веревки и повелъ его къ табору въ поводу.

Видъ почтеннаго старика былъ уморительный!

— Кимерь!¹) — кричалъ старый Борончу. — Кимерь! Смотри, до чего я дожилъ!!!

К. Рычковъ.

19 апрѣля 1914 года.

1) Искаженное русское слово *смерть*. Такъ называлъ въ шутку Борончу свою старуху.

ЛѢТОПИСЬ

Усинской миссіи, находящейся на рѣкѣ Усу, Енисейской губ.,
Минусинскаго округа, Шушенской волости, близъ Китайской
границы.

(Продолженіе).

Продолженіе дѣятельности миссіонера въ 1878 году.

Возвратившись изъ Красноярска, я вмѣстѣ со священникомъ о. Гавріиломъ Силинымъ 3 марта 1878 года отправился на р. Усь. На Устьѣ Уса мы прибыли 7 марта, гдѣ были встрѣчены съ радостью тамошними православными жителями. Здѣсь мы пробыли до обѣда 8 числа, ибо священникъ хранилъ одного инородца и исправлялъ разныя требы.

9 числа мы прибыли въ д. Верхне-Усинскую, гдѣ давно уже насъ ожидали православные, съѣхавшіеся съ разныхъ сторонъ для того, чтобы исповѣдаться и пріобщиться св. тайнъ. Священникъ пробылъ на Усу до 12 числа и потомъ отправился обратно. Съ Устья Уса онъ предупреждалъ меня, чтобы я былъ остороженъ, ибо онъ слышалъ, что на мою жизнь покушаются раскольники.

Во время пребыванія здѣсь священника я избралъ мѣсто подь церковь и школу, гдѣ мы отслужили торжественно молебень. Я снялъ планъ съ этой мѣстности, взялъ приговоръ отъ православныхъ жителей объ избраніи этой мѣстности, и все это представилъ благочинному при слѣдующемъ донесеніи.

„Енисейскій епархіальный комитетъ православнаго миссіонерскаго общества предложеніемъ своимъ на ваше имя отъ 29 ноября м. г. за № 160, переданномъ мнѣ при вашей надписи, между прочимъ, предписалъ избрать мѣсто для будущей церкви въ Усинскомъ краѣ, почему я, нынѣ посовѣтовавшись съ мѣстными православными жителями, нашель самымъ удобнымъ мѣстомъ для церкви площадь въ д. Верхне-

Усинской по слѣдующимъ причинамъ. *Во-первыхъ*, въ д. Верхне-Усинской проживаютъ православные и раскольники поповщинской секты, которые не столь упорны, какъ странники д. Нижне-Усинской. Сверхъ того, всѣ православные, прїѣзжающіе съ торговыхъ заведеній, находящихся въ китайскихъ владѣніяхъ, а также проживающіе на Устьѣ Уса и Семіозеркахъ и прїѣзжающіе изъ Минусинскаго округа для торговли и промысловъ, — постоянно останавливаются въ этой деревнѣ. *Во-вторыхъ*, переселяющіеся православные крестьяне, вѣроятно, обоснуются въ этой деревнѣ или вблизи ея. *Въ третьихъ*, для церкви это мѣсто весьма прилично, ибо находится среди довольно многолюднаго селенія, наполненнаго сектантами разныхъ толковъ и православными. Мѣсто это возвышенное и съ твердымъ грунтомъ.

Представляя при семъ планъ этому мѣсту, на которомъ значится и предполагаемая церковь съ училищемъ, я имѣю честь объяснить. 1. Площадь эта занимаетъ съ с. на ю. вдоль усадебъ 60 саж., а вдоль улицы 100 саж., но въ заднемъ концѣ можно прибавить земли сколько угодно, ибо она ничѣмъ не ограничена. Вдоль площади идетъ улица, которая частью застроена по одной сторонѣ домами, а частью (на 32 саж.) оставлена подъ нижнюю площадь, тянущуюся до р. Уса (на 12 саж.). 2. Площадь, на которой предназначено мѣсто подъ церковь, возвышается надъ рѣкой Усомъ на 4 аршина, а надъ улицей — на 2 арш.; ее никогда не заливаетъ водой, которая даже и близко не подходитъ. 3. Грунтъ земли состоитъ сверху изъ чернозема на три четверти аршина, а потомъ идетъ глина съ галькой. 4. Церковь эта не будетъ стѣснена строеніями и будетъ находиться на возвышенномъ мѣстѣ.

При семъ имѣю честь представить и приговоръ православныхъ жителей объ избраніи ими мѣста подъ церковь, при чемъ считаю долгомъ объяснить, что подписи православныхъ жителей Усинскихъ не могли быть старшиною засвидѣтельствованы, ибо старшина и писарь здѣсь раскольники. Такъ какъ нынѣ со мной на Усу находился священникъ о. Гавр. Силинъ, то я и его пригласилъ осмотрѣть вышеописанное мѣсто, которое и онъ нашелъ удобнымъ и приличнымъ для постройки будущей церкви, что онъ и выразилъ въ своей подписи подъ приговоромъ.

Послѣ отъѣзда священника прїѣхало семействъ 20 повоселовъ, которые и размѣстились въ д. Верхне-Усинской.

Въ началѣ апрѣля ѣздилъ я въ лѣсъ для приѣма нарубленныхъ бревенъ, которыя и скатали въ кучи. 12 апрѣля послалъ я двухъ человѣкъ опалить его, но на пасхѣ лѣсъ сгорѣлъ, осталось только 100 лѣсинъ. Какъ это случилось— неизвѣстно.

Съ 1 апрѣля я открылъ ученіе въ своей квартирѣ. 10 и 21 апрѣля прибыли для ученія два инородческихъ мальчика.

Въ маѣ я сдѣлалъ двѣ помочи для вывозки листовнаго лѣса. 26 мая я получила:

1. Отношеніе изъ комитета грамотности отъ 28 февраля с. г. за № 41 о высылкѣ мнѣ журнала „Семья и Школа“, на что я отвѣтилъ отъ 27 мая за № 21, гдѣ благодарилъ за присылку журнала.

2. Предложеніе епархіальнаго комитета грамотности православнаго миссіонерскаго общества отъ 7 марта 1878 года за № 47 о сборѣ пожертвованій на Усинскую миссію черезъ членовъ миссіонерскаго общества.

3. Отношеніе Енисейскаго епархіальнаго комитета отъ 30 марта с. г. за № 58 о доставленіи свѣдѣній о моей личности помощнику предсѣдателя совѣта православнаго миссіонерскаго общества. На это я отвѣчалъ слѣдующее. „Предложеніе Енисейскаго епархіальнаго комитета правосл. мис. общества ко мнѣ отъ 30 марта с. г. за № 58 о доставленіи свѣдѣній вашему преосвященству мною получено только 26 мая, ибо весной не бываетъ сообщенія здѣшняго края съ Минусинскимъ. Теперь спѣшу доставить вашему преосвященству требуемая отъ меня свѣдѣнія. Я—Московскій мѣщанинъ, но нынѣ приписываюсь въ Минусинскій округъ; русскій, вѣроисповѣданія православнаго, лѣтъ мнѣ 56. Учился я въ частной горнозаводской школѣ, потомъ приготовлялся въ Москвѣ къ поступленію въ университетъ, куда и поступилъ въ 1840 или 1841 году (хорошо не помню), но слушалъ тамъ лекціи по 2-му отдѣленію философскаго факультета (физико-математическому) только годъ, ибо не могъ получить увольнительнаго приговора отъ общества по случаю нахождения моего на рекрутской очереди и крайней бѣдности; по этому случаю я и не былъ принятъ въ число студентовъ. Женатъ первымъ бракомъ. Жена моя—Минусинская купеческая дочь, русская, вѣроисповѣданія православнаго, 46 лѣтъ; дѣтей нѣтъ, но есть вмѣсто дочери сирота, воспитанная мною съ дѣтства, которой теперь 16 лѣтъ. Въ Минусинскомъ округѣ былъ у меня домъ, лавки, винокуренный заводъ, но когда я задумалъ посвятить себя дѣлу Усинской

мисіи, то все это продалъ, чтобы быть свободнымъ. Сначала я состоялъ въ Калужской губерніи, Масальскаго уѣзда, частнымъ землебромъ при посредникѣ по полюбовному размежеванію земель поручикѣ Суходольскомъ; потомъ уѣхалъ въ Сибирь, гдѣ находился на службѣ у разныхъ лицъ по различнымъ отраслямъ торговли и промышленности и, наконецъ, съ 1874 года занимался своими дѣлами, когда я познакомился съ Усинскимъ краемъ. Аттестаты я имѣлъ какъ отъ посредника, такъ и отъ частныхъ лицъ, но по случаю переѣздовъ и давняго времени не сохранилъ ихъ, да и не думалъ, что они мнѣ понадобятся. Подъ судомъ никогда не состоялъ и не состою.

Такъ какъ раскольники сильно стѣсняли православныхъ, то послѣдніе отправили съ жалобой къ Минусинскому исправнику крестьянина Семена Горбунова. Пользуясь этимъ, я отослалъ въ миссіонерскій комитетъ *отчетъ за первую половину 1878 года* слѣдующаго содержанія.

„Изъ Красноярска я пріѣхалъ въ с. Бейское 25 февраля и 2 марта выѣхалъ на р. Усь. 3 числа я пріѣхалъ въ дер. Означенную, гдѣ ожидалъ меня по условію о. Гарріилъ Силинъ. Здѣсь мы совсѣмъ собрались въ дорогу и, помолившись Богу, пустились въ дальній путь. Въ этотъ день мы доѣхали до Кордона, гдѣ насъ уже поджидали кордонный надзиратель съ семействомъ и рабочіе, ибо они желали освятить новый домъ, исповѣдаться и причаститься св. таинъ. 6 числа *) вечеромъ мы пріѣхали благополучно на Устье Уса, гдѣ были встрѣчены весьма радушно, такъ что все населеніе вышло на берегъ насъ встрѣчать. Здѣсь передъ нашимъ пріѣздомъ умеръ одинъ инородецъ; на другой день о. Гавріилъ похоронилъ его съ выносомъ. Это былъ первый православный въ здѣшнемъ краѣ, удостоившійся христіанскаго погребенія. Въ это время было отслужено нѣсколько панихидъ, совершенно св. крещеніе и совершено св. миропомазаніе надъ 7 младенцами.

7 *) марта отправились вверхъ по р. Усу въ д. Верхне-Усинскую, куда и прибыли на другой день рано утромъ. Здѣсь уже съѣхались отовсюду православные и ожидали священника, нѣкоторые даже болѣе недѣли. О. Гавріилъ пробылъ на Усу 4 дня. За это время онъ совершилъ крещеніе надъ 9 младенцами. Здѣсь говѣли 36 человекъ. На обрат-

---

*) Сравни. стр. 324. Разногласіе, впрочемъ, незначительное.

номъ пути на Устьѣ Уса о. Гавріиль исповѣдалъ и приобщилъ св. таинъ 25 человекъ. Такимъ образомъ, о. Гавріиль въ здѣшнемъ краѣ довершилъ св. крещеніе и совершилъ св. миропомазаніе надъ 16 дѣтьми; 5 осталось неокрещенныхъ, ихъ нельзя было привезти въ д. Верхне-Усинскую по отдаленности мѣстожительства и краткости времени; затѣмъ, о. Гавріиль исповѣдалъ и приобщилъ св. таинъ 61 человекъ; отпѣлъ одного покойника и отслужилъ нѣсколько молебновъ и панихидъ.

Вообще, съ пріѣздомъ священника православные ожили духомъ. Но не то было съ раскольниками. Они не дали священнику, вопреки приказанію исправника, ни квартиры ни подводъ для обратнаго проѣзда, такъ что православные сдѣлали между собою раскладку, чтобы отправить его отсюда, а такъ какъ собрать денегъ скоро было невозможно, то я далъ изъ своихъ.

Послѣ этого я былъ озабоченъ присканіемъ квартиры. Такъ какъ я сразу хотѣлъ открыть ученіе и чтеніе о вѣрѣ, то мнѣ нужна была квартира попросторіѣе. У одного раскольника я нашелъ одну комнату съ кухней за 2 рубля въ мѣсяць; но и этотъ раскольникъ подвергся за то большимъ неприяностямъ отъ своихъ большаковъ.

Теперь приступаю къ отчету о состояніи здѣшняго края и о дѣйствіяхъ моихъ въ первой половинѣ настоящаго года

1. *О раскольникахъ.* По возвращеніи своемъ на Усь, я нашелъ большую черемѣну какъ въ духовномъ положеніи здѣшнихъ сектантовъ, такъ и въ отношеніяхъ ихъ ко мнѣ. Съ самаго начала моего пребыванія на Усу въ частныхъ разговорахъ со старовѣрами я старался проводить между ними ту мысль, что безъ священниковъ невозможно спастись. Нѣкоторые изъ старовѣровъ соглашались со мною, но при этомъ задавали вопросъ: гдѣ же взять настоящее священство? Когда же я указывалъ на православную церковь, то они молчали. Они такъ озлоблены были противъ православнаго духовенства, что не хотѣли и слышать объ немъ. Да правду сказать, они худо или совсѣмъ не знали ни духовенства, ни церкви, такъ что, когда нынѣ былъ здѣсь о. Гавріиль, то многіе изъ нихъ приходили посмотрѣть его, сознавая, что они средѣ не видывали никакого священника. Я тогда никакъ не могъ предвидѣть, что изъ этого произойдетъ; а вышло вотъ что.

На Усу было два человекъ, принадлежащихъ къ австрійскому согласію. Въ Минусинскѣ же есть этого согласія мѣ-

щанинъ (изъ сосланныхъ) Пуговкинъ. Вѣроятно, Усинскіе австрійцы (какъ ихъ здѣсь называютъ) передали ему о расположеніи Усинцевъ къ принятію священства. Пуговкинъ, пользуясь моимъ отсутствіемъ, поѣхалъ еще въ январѣ на Усь и взялъ съ собой какого то лжесвященника, принадлежащаго къ австрійской лжеіерархіи. Впрочемъ, и самъ Пуговкинъ, кажется, принадлежитъ къ этой іерархіи. Къ немъ здѣсь присоединились почти всѣ богатые люди, которыхъ къ тому побуждало и то, что Пуговкинъ сосланъ, какъ говорятъ, за участіе въ поддѣлкѣ фальшивыхъ денегъ. Такихъ то имъ и нужно наставниковъ! Какъ бы то ни было, но въ австрійское согласіе перешло здѣсь болѣе 100 душъ. Хотя вѣрованія этихъ сектантовъ ближе къ православной вѣрѣ, но за то наставники ихъ люди болѣе хитрые, чѣмъ у безпоповцевъ и еще болѣе враждуютъ къ православному духовенству, чѣмъ тѣ, ибо въ томъ ихъ интересъ заключается. Этотъ ихъ попъ здѣсь перекрещивалъ безпоповцевъ, становя ихъ по колѣно въ водѣ; вѣнчалъ свадьбы и исполнялъ духовныя требы. Теперь австрійцы собираются для богослуженія въ д. Нижне-Усинской въ домѣ крестьянина Мартемьяна Медвѣдева (онъ же старшина), гдѣ я самъ видѣлъ книги, налои, подсвѣчники и нѣкоторыя принадлежности облаченія. Очень было бы полезно не допускать сюда Пуговкина, какъ ссыльнаго.

Федоровское согласіе разстроилось, ибо много ушло изъ него въ австрійское. Даже самъ ихъ наставникъ Андрей Давыдовъ Шепелинъ ушелъ въ то согласіе. Остатки собираются для богослуженія въ домѣ крестьянина Савелья Поспѣлова.

Батюшкино согласіе, несмотря на то, что много изъ него ушло въ австрійское согласіе, еще очень сильно и по-прежнему имѣетъ свой молитвенный домъ. Только въ іерархіи ихъ случилась перемѣна. Лазарь Ивановъ, какъ говорятъ, совсѣмъ отказался отъ здѣшнихъ старообрядцевъ. Главнымъ наставникомъ теперь у нихъ бывший уставщикъ поселенецъ Яковъ Ведерниковъ. О. Гавріилъ Силинъ 10 марта пожелалъ видѣть этотъ молитвенный домъ, куда и направился со старшиной, но ихъ не допустили туда. При этомъ случилось какое то непонятное происшествіе. Когда о. Гавріилъ разговаривалъ съ Ведерниковымъ, кто-то (вѣроятно, услыхавъ ихъ голоса) началъ извнутри часовни сильно стучать, такъ что потряслось все зданіе. На вопросъ: кто это стучалъ,—Ведерниковъ и бывшіе съ нимъ ничего не отвѣчали. Такъ это и осталось неразъясненнымъ. Вѣроятно, это какой нибудь

провипившійси раскольникъ, но какая его дальнѣйшая участь — неизвѣстно.

2. *Сойоты.* Когда пріѣхалъ сюда о. Гавріиль Силипъ, то къ нему явился сойотъ, по имени Семень, который часто и ко мнѣ ходилъ. Онъ заявилъ о. Гавріилу о своемъ желаніи креститься вмѣстѣ со своимъ семействомъ. О. Гавріиль велѣлъ ему явиться на другой день, но тутъ раскольники настрашали бѣднаго сойота тѣмъ, что они скажутъ его начальникамъ, и сойотъ отказался отъ своего намѣренія. Съ Усть-Уса я получилъ отъ 13 марта письмо отъ о. Гавріила, въ которомъ онъ пишетъ, что тамъ многіе сойоты просили его совершить надъ ними св. крещеніе, но что онъ на это не рѣшился и просилъ меня испросить у вашего преосвященства разрѣшенія, какъ впредь должно поступать въ подобномъ случаѣ.—Сойотскихъ мальчиковъ я еще не взялъ, ибо нѣтъ помѣщенія для нихъ, а учится у меня ипородческой мальчикъ, хорошо знающій сойотскій языкъ. Я желалъ бы оставить его у себя, но еще не окончилъ этого дѣла съ отцомъ. Вообще, сойотъ, желающихъ креститься, очень много, и хорошо было бы, если бы вырѣшился вопросъ: можно ли ихъ крестить, или нѣтъ и на какомъ основаніи.

3. *Образованіе православнаго прихода.* Сюда пріѣхали (уже послѣ отъѣзда о. Гавріила) до 25 семействъ православныхъ крестьянъ, но такъ какъ они еще не причислены сюда, то раскольники совершенно стѣснили ихъ, такъ что большая часть ихъ разбрелась по разнымъ рѣчкамъ; однако и тамъ не даютъ имъ покоя. Только тѣмъ изъ новоселовъ, которые подаютъ надежду перейти въ расколъ, оказываютъ нѣкоторую льготу, а другимъ не даютъ ни помѣщенія для семействъ, ни корму для скота. Такъ какъ я убѣдился, что мои хлопоты по этому предмету не достигаютъ цѣли и приносятъ еще вредъ православнымъ крестьянамъ; сверхъ того, это поселяетъ въ раскольникахъ вражду ко мнѣ и отвлекаетъ меня отъ прямыхъ своихъ обязанностей,—то я и пересталъ участвовать въ этомъ дѣлѣ отъ своего имени, и только помогаю совѣтами своими бѣднымъ переселенцамъ, которые, не будучи болѣе въ состояніи терпѣть притѣсненія отъ раскольниковъ, отправили нынѣ въ Минусинскъ особаго ходатая. Что будетъ—неизвѣстно, но ихъ отсюда ужъ не выжить, хотя объ этомъ и сильно хлопочутъ старовѣры. Я теперь стараюсь только утвердить этихъ крестьянъ въ вѣрѣ, чтобы они, какъ слабо наченные, не предались старовѣрамъ.

4. *О церкви.* Я уже имѣлъ честь представить черезъ о. благочиннаго прот. Георгія Бенедиктова (отъ 11 марта) о вы-

боръ мѣста подь церковь, и при этомъ донесеніи представилъ и планъ на это мѣсто. Оно для церкви весьма прилично и если бы православныхъ поселили въ другомъ мѣстѣ, то все таки дер. Верхне—Усинская служила бы центромъ для поселеній, потому что сюда съѣзжаются всѣ православные, находящіеся въ этомъ краѣ. Да и самыя поселенія могутъ находиться отъ нея не болѣе 5-10 верстъ. Но при этомъ должно замѣтить:

а) Земля эта (подь д. Верхне—Усинской) находится въ общемъ владѣніи всѣхъ раскольниковъ, почему вожаки ихъ сильно хлопочуть, чтобы не допустить здѣсь постройки церкви; раскольники даже считаютъ землю своею, отданною имъ въ надѣль. Необходимо оговорится, что въ этой дачѣ у нихъ имѣется лишней земли до 3800 десятинъ.

б) Безъ церкви и священника здѣсь никогда не можетъ быть обращенія раскольниковъ, которые имѣютъ объ нихъ самыя превратныя понятія. А не видя церкви и священника, какъ же могутъ раскольники убѣдиться въ неправильности своихъ понятій! Сверхъ того, не къ кому и не къ чему имъ здѣсь пристать.

Нынѣ въ разговорѣ со мной одна очень вліятельная въ расколѣ женщина (вдова начальника фѣдоровской секты Анна Горбунова) сознавалась, что они заблуждаются въ вѣрѣ. Но при этомъ на мои убѣжденія сказала (подлинныя ея слова):

—Да къ кому намъ теперь пристать? Вашей церкви мы не видимъ, да и кто знаетъ, настоящая ли она. Говорятъ, ваши пошы больно безобразны, а кабы ваша вѣра была правая, то Богъ не допустилъ бы до этого.

Несмотря на всѣ мои убѣжденія, она осталась въ сомнѣніи:

—Увидимъ, что будетъ у васъ.

Если выстроить церковь въ другомъ мѣстѣ, а не въ Усинскихъ деревняхъ, то она будетъ имѣть малое вліяніе на раскольниковъ, ибо они будутъ сторониться отъ нея.

5. *О школѣ.* Такъ какъ я пріѣхалъ на Усь 8 марта, когда зимняя дорога здѣсь уже испортилась, то я не могъ вывезти изъ лѣса бревенъ, а потому и постройка училища поневолѣ отсрочилась. Я хотѣлъ было срубить постройку въ лѣсу—съ тѣмъ, чтобы вывезти ее тотчасъ же по первому пути, но нынѣ весной въ этомъ лѣсу у меня сторѣла часть бревенъ и тесу,— всего на 16 рублей; и хотя я эти деньги выискалъ съ тѣхъ лицъ, которыя производили опалку, все таки не посмѣлъ рубить тамъ срубъ.

Теперь заготовленъ весь лѣсъ для училища, поряжены вошки и часть лѣса уже вывезена; заготовлены мохъ, гвозди, желѣзо, рамы и наличники; наняты плотники. Но такъ какъ вашимъ преосвященствомъ выражено желаніе построить училище въ одномъ изъ угловъ церковной ограды, то я долженъ былъ измѣнить планъ училища. Дѣло въ томъ, что помѣщеніе для семейнаго учителя при училищѣ потребовало бы постройки разныхъ хозяйственныхъ службъ, а это, по моему мнѣнію, при церковной оградѣ не прилично. Почему я здѣсь строю собственно одно училище и при немъ сторожку, которая впоследствии будетъ и церковной сторожкой. На первыхъ порахъ, когда учениковъ будетъ еще не слишкомъ много, я могу жить въ училищѣ, при чемъ кухня будетъ помѣщаться въ сторожкѣ. Когда же будутъ строиться дома для священноцерковнослужителей, то можно будетъ устроить и помѣщеніе для семейнаго учителя; подъ эти дома имѣется удобная площадь, расположенная черезъ улицу къ р. Усу. Одинокій же учитель всегда можетъ жить въ училищѣ. Обладка училища уже закончена, а сторожка вся будетъ готова къ осени; туда и я думаю перейти, ибо на той квартирѣ, гдѣ я живу, зимой нельзя быть.

Многіе раскольники изъявляли мнѣ желаніе отдать своихъ дѣтей въ ученье, но ихъ отвлекаютъ главари тѣмъ, что, если раскольники отдадутъ дѣтей своихъ ко мнѣ, то этимъ докажутъ, что желаютъ имѣть школу и при ней церковь. Это ихъ и останавливаетъ. По пріѣздѣ своемъ на Усь, я тотчасъ же объявилъ, что открываю у себя ученіе. Но только 9 апрѣля поступилъ ко мнѣ инородческій мальчикъ, прежде учившійся у меня; 21 числа поступилъ другой, а 1 мая поступили—одинъ старовѣрскій, а другой православный мальчики. Это, конечно, мало, но надобно сказать, что теперь дѣти заняты работой и поступать не раньше осени.

Что касается до чтеній, то они сначала совсѣмъ не удавались, ибо нечѣмъ было слушателей вызвать; вслѣдствіе этого одни приходили раньше, другіе позже. Но такъ какъ я каждый воскресный и праздничный день читаю утреню и часы, то я и воспользовался для чтеній временемъ между утреней и часами. Первое чтеніе состоялось въ вербное воскресенье: я прочиталъ краткій очеркъ исторіи раскола Семенова. Оказалось, что православные настолько непривычны были къ книжному языку и мало знали все, относящееся до церкви, что едва понимали мое чтеніе; и я долженъ былъ толковать почти каждое слово. Въ недѣлю св. ап. Фомы я началъ чтенія изъ книги митр. Григорія «Истино—древняя и истино—православная христіанская церковь» о томъ, въ чемъ раскольники обвиня-

ютъ православную церковь. Здѣсь мои слушатели еще менѣ понимали, потому что совершенно не знали перс.—славянскаго языка. Несмотря на все это, какъ видно, въ православныхъ пробуждается интересъ, и недавно между ними при чтеніи возникъ споръ о томъ, грѣхъ или нѣтъ курить табакъ. Съ постройкой училища чтенія эти будутъ, вѣроятно, успѣшнѣе. Мѣсто подъ училище 11 марта освящено о. Гаврииломъ, отслужившимъ здѣсь молебенъ съ водосвятиемъ. Это былъ первый молебенъ въ здѣшнемъ краѣ.

Вотъ въ какомъ положеніи Усинское дѣло.

Теперь уже я не думаю отсюда выѣзжать, ибо отсутствие мое дурно вліяетъ вообще на ходъ этого дѣла. Развѣ въ февралѣ будущаго года ненадолго выѣду въ Минусинскъ для необходимыхъ покупокъ и отчета о. благочинному. Между тѣмъ, я покорнѣйше прошу ваше преосвященство разрѣшить слѣдующее. а) Можно ли крестить сойотъ и на какомъ основаніи? б) Утвержденъ ли мой выборъ мѣста подъ церковь? в) Какимъ образомъ я долженъ представить планъ на церковь или ваше преосвященство сами вышлете его? Мнѣ бы хотѣлось построить церковь человекъ на сто, съ колокольней. Благолѣпная наружность церкви много будетъ вліять здѣсь на младенчающуюся чувства сойотъ и самихъ раскольниковъ. Всего собрано по сіе время по книжкѣ 305 руб., изъ коихъ 200 рублей пожертвовано на училище однимъ лицомъ—П. И. Кузнецовымъ. Я надѣюсь, что, съ помощью Божьею, церковь понемногу выстроится здѣсь, если разрѣшится ея постройка. При семъ имѣю честь представить новый планъ на училище и при немъ сторожку, которые не обложены.»

10 іюля прибылъ на Усь Минусинскій исправникъ и нѣсколько защитилъ православныхъ отъ раскольниковъ.

Сойоты нѣкоторыхъ сумузовъ взбунтовались; вслѣдствіе этого и здѣшніе сойоты ушли туда, а потому мое вліяніе на нихъ прекратилось.

Нужно было обладывать училище, но я не смѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ во все время ничего не получалъ отъ комитета, особенно насчетъ выбора мѣста подъ церковь.

Въ сентябѣ я, наконецъ, рѣшился обложить училище и приступить къ постройкѣ сторожки, которая была необходима для наблюденія за постройкой училища и за сохраненіемъ матеріаловъ для постройки его, ибо отъ раскольниковъ всего можно было ожидать. Однакожъ постройку я долженъ былъ прекратить по случаю сильныхъ морозовъ и рано наступившей зимы.

Всю осень до середины зимы я ничего не получалъ, и поэтому рѣшился ѣхать въ Минусинскъ.

24 декабря и въ Рождество была у меня служба, за которой присутствовало много православныхъ.

Дорога въ Минусинскъ нынѣ была трудная, ибо свѣрѣпствовали сильные холода и вѣтеръ.

По прїѣздѣ въ Минусинскій округъ, я пробылъ нѣкоторое время въ с. Бейскомъ, а потомъ выѣхалъ въ с. Шущь и г. Минусинскъ.

Дѣятельность миссіонера въ 1879 году.

21 января 1879 года я подаль отчетъ благочинному о прот. Бенедиктову и преосвященному епископу красноярскому и енисейскому.

Вотъ что я доносилъ благочинному.

„ По возвращеніи изъ Красноярска, я 3 марта вмѣстѣ съ о. Гавріиломъ Силинымъ отправился на р. Усь. На Устьѣ Уса мы были встрѣчены (6 марта *) на берегу всѣмъ населеніемъ, которое приняло насъ съ радостью. Здѣсь о. Гавріиль похоронилъ съ выносомъ инородца, умершаго передъ нашимъ прїѣздомъ. Это было первое христіанское погребеніе въ здѣшнемъ краѣ. 8 марта мы прїѣхали въ д. Верхне-Усинскую, гдѣ уже насъ ожидали съѣхавшіеся православные. О. Гавріиль довершилъ св. крещеніе и совершилъ св. миропомазаніе надъ 16 дѣтьми, а 15 остались неокрещеными; исповѣдалъ и причастилъ св. таинъ 61 человекъ и отслужилъ нѣсколько панихидъ и молебновъ.

Съ марта по январь я безвыѣздно жилъ на Усу и о своихъ дѣйствіяхъ честь имѣю представить вашему высокоблагословенію отчетъ.

1. *О раскольникахъ.* По возвращеніи на Усь, я нашелъ, что многіе богатые и вліятельные раскольники (до 100 душъ) перешли въ поповское согласіе; именно, къ австрійской іерархіи. Начальникомъ этой іерархіи въ Минусинскѣ считается Пуговкинъ и имѣетъ чинъ священника. Въ бытность свою на Усу зимою 1878 года, въ мое отсутствіе, Пуговкинъ многихъ обратилъ къ себѣ. Ему много способствовало въ этомъ обстоятельство, что я съ самаго начала своего пребыванія на Усу старался внушить раскольникамъ мысль, что, принадлежа къ апостольской и соборной церкви, бельзя на-

*) Сравни. предыдущее примѣчаніе.

сдѣловать царствія Божія. Поэтому нѣкоторые изъ нихъ, не видя у православныхъ ни церкви, ни духовенства, перешли въ австрійское согласіе, а нѣкоторые и совсѣмъ отпали отъ раскола, хотя не переходятъ и въ православную церковь, которой пока не видятъ. Представителями австрійской іерархія на Усу являются крестьяне Прохоръ Медвѣдевъ и Арсеній Крысантьевъ. У безпоповцевъ наставники: крестьянинъ Лазарь Ивановъ, проживающій въ Минусинскѣ и поселенецъ Яковъ Ивановичъ Ведерниковъ, проживающій на Усу. Хотя вѣрованія австрійцевъ, какъ ихъ здѣсь называютъ, ближе стоятъ къ православію, но за то въ средѣ ея лжеіерархія находятъ люди, болѣе хитрые и развитые, чѣмъ у безпоповцевъ, и столько же, если не болѣе, враждебные къ православной церкви и ея духовенству. Лжесвященникъ Пуговкинъ живетъ не на Усу, а въ Минусинскѣ, и только временно пріѣзжаетъ сюда. Преній о вѣрѣ вести здѣсь не съ кѣмъ, ибо они такъ преданы своему духовенству, что даже не хотятъ слушать никакихъ убѣжденій. Другое дѣло безпоповцы; многіе изъ нихъ сами сознаются, что они заблуждаются, но не къ кому имъ пристать здѣсь. Вообще, обращеніе раскольниковъ можетъ начаться только тогда, когда на Усу будетъ православный приходъ, церковь и духовенство.

Кириллову книгу и книгу о вѣрѣ я получилъ въ дорогѣ на Усь и потому не имѣлъ еще времени ознакомиться съ ними.

2. *Сойоты.* Многіе сойоты изъявляли желаніе принять св. крещеніе, но о. Гавріиль Силинъ не рѣшился исполнить это и просилъ меня исходатайствовать на то разрѣшеніе, почему я въ отчетѣ за первую половину сего года (1878 г.) испрашивалъ у его проосвященства разрѣшеніе по сему предмету, но не получилъ никакого отвѣта. Вообще, желающихъ принять христіанство много, и это помогло бы русскимъ сблизиться съ сойотами, которые, сдѣлавшись нашими единовѣрцами, конечно, были бы болѣе расположены къ русскимъ, чѣмъ къ китайцамъ. Многіе сойоты также изъявляютъ желаніе отдать своихъ дѣтей въ Усинское училище, но я не знаю, по какимъ видамъ ихъ принимать и какимъ порядкомъ, а потому я покорнѣйше прошу ваше высокоблагословеніе испросить на это надлежащее разрѣшеніе.

3. *Образованіе православною прихода.* Въ началѣ года на Усь прибыло 25 православныхъ семействъ, такъ что во всемъ Усинскомъ краѣ православныхъ теперь насчитывается до 45 семействъ, и изъ нихъ многіе причисляются сюда на постоянное жительство; причисленіе это состоитъ нынѣ же,

ибо останавливается только за нѣкоторыми формальностями; лишь неизвѣстно, поселятъ ли ихъ въ д. Верхне-Усинской, или особымъ селеніемъ.

Кромѣ того, здѣсь открыты довольно богатые золотые промысла, на которыхъ ставятъ до 150 рабочихъ, которые должны зимовать въ д. Верхне-Усинской. Все это привлечетъ сюда массу рабочихъ людей въ видѣ торговцевъ, подрядчиковъ и проч. И теперь уже пути сообщенія въ тотъ край дѣлаются доступнѣе, ибо на Енисей и на Усу строятся зимовья.

4. *О церкви.* Епархіальный комитетъ миссіонерскаго общества предоставилъ мнѣ избрать мѣсто для церкви, вслѣдствіе чего я еще 11 марта представилъ вашему высокоблагословенію донесеніе о выборѣ мѣста подѣ церковь въ д. Верхне-Усинской, при чемъ представлены мною планъ на эту мѣстность и приговоръ православныхъ жителей о желаніи ихъ имѣть здѣсь церковь, но по настоящее время я еще не получилъ по сему никакого разрѣшенія. Въ отчетѣ за первую половину сего года я испрашивалъ у его преосвященства указаній, какимъ образомъ долженъ я представить планъ на церковь, но еще не удостоился получить отвѣта.

Въ послѣднее время значеніе д. Верхне-Усинской еще болѣе увеличивается, ибо въ этой деревнѣ будетъ и зимовка рабочихъ и резиденція золотопромышленниковъ и нѣкоторыя торговыя заведенія. Вообще, если церковь будетъ не въ д. Верхне-Усинской, а гдѣ либо въ сторонѣ, то она будетъ имѣть слабое вліяніе на расколъ, или даже совсѣмъ никакого.

5. *О школѣ.* Его преосвященство лично выразилъ мнѣ свое желаніе, чтобы помѣщеніе для школы было выстроено какъ можно скорѣе и чтобы оно находилось въ углу церковной ограды. Вслѣдствіе сего я долженъ былъ измѣнить планъ зданія школы, ибо по первому плану помѣщеніе для учителя было въ томъ же зданіи, но такъ какъ при этомъ потребовалось бы возвести при школѣ нѣкоторыя хозяйственныя постройки, что было бы неприлично дѣлать близъ церкви, то я и составилъ другой планъ, по которому въ зданіи помѣщались бы одни классы, бібліотека и музей и даже на первое время квартира учителя, при чемъ церковная сторожка служила бы для него кухней. Утвержденія на этотъ планъ я еще не получилъ. Между тѣмъ, чтобы не терять времени, я заготовилъ весь лѣсъ, необходимый для постройки школы, порядилъ пилку и вывозку его, сдѣлалъ рамы, наличники и ставни и даже произвелъ обкладку училища и сторожки, но дальнѣйшихъ работъ я не производилъ, потому, во-первыхъ, что не утвержденъ еще выборъ мѣста подѣ церковь и шко-

лу, а во-вторыхъ, постройка осенью обошлась бы очень дорого. При этомъ я имѣю честь доложить, что, если училище будетъ въ другомъ мѣстѣ, а не въ д. Верхне-Усинской, то оно не будетъ имѣть никакого вліянія на раскольниковъ, возбуждая ихъ къ сопротивленію православнымъ; они не будутъ отдавать своихъ дѣтей въ это училище, а заведутъ свое. Сверхъ того, перевозка матеріаловъ потребовала бы лишнихъ расходовъ, да и произвела бы большое впечатлѣніе на раскольниковъ.

Я нынѣ училъ дѣтей въ своей квартирѣ, и въ послѣднее время у меня было 10 учениковъ; изъ нихъ—3 инородца, 2 австрійскаго согласія, 1 безпоповецъ и 4 православныхъ русскихъ. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ другихъ азбукъ, кромѣ азбуки Золотова, въ которой есть православныя молитвы и наставленіе о сложеніи перстовъ при осѣненіи себя крестомъ. Это лишило меня двухъ учениковъ австрійскаго согласія. При семъ прилагаю отчетъ по постройкѣ училища, смѣту по тому же предмету, отчетъ по библіотекѣ училища и списокъ обучавшихся у меня учениковъ; при чемъ честь имѣю объяснить, что съ развитіемъ золотыхъ промысловъ здѣсь сильно вздорожали какъ рабочіе, такъ и все припасы и матеріалы.

Чтенія о предметахъ вѣры производились мною въ моей квартирѣ съ 15 апрѣля по 1 іюня и съ 8 ноября по 23 декабря во все праздничные и воскресные дни, въ которые я также читалъ утреню и часы. Наиболѣе возбудили вниманія въ слушателяхъ, въ числѣ которыхъ были и старообрядцы, слѣдующія чтенія: о табакѣ (митр. Григорія), рассказъ старообрядца объ обращеніи его въ православіе (изъ „Братскаго Слова“), о старопечатныхъ книгахъ и о обливанномъ будто бы крещеніи у грековъ (изъ „Брат. Слова“).

Комитетъ грамотности не оставляетъ помогать нашей школѣ и выслалъ нынѣ журналъ „Семья и Школа“ (22 книжки).

Теперь неразрѣшенными остаются слѣдующія мои представленія: а) мой выборъ мѣста подъ церковь и школу; б) можно ли крестить сойотовъ; в) какимъ образомъ я долженъ представить планъ на церковь. Вновь подлежитъ разрѣшенію слѣдующее: а) гдѣ должно быть православное кладбище и б) какимъ порядкомъ принимать въ школу сойотскихъ дѣтей.

Въ 1878 году ролилось у православныхъ 12 дѣтей. Они были крещены новитухами; на мое же убѣжденіе подождать для того священника родители отвѣчали, что они не хотятъ имѣть у себя некрещеныхъ дѣтей.

Вотъ въ чемъ состоялъ мой *отчетъ архіерею за 1878 годъ*. „ Я уже доносилъ вашему преосвященству (въ отчетѣ за 1-ю половину года) о поѣздкѣ нашей на Усь съ о. Гаврииломъ, равно и о прочемъ, случившемся въ этой половинѣ; къ этому добавлю слѣдующее.

1. *О раскольникахъ*. Нѣсколько австрійцевъ снова перешло въ беспоповщину, а нѣсколько (не болѣе 3) беспоповцевъ къ австрійцамъ. Болѣе развитые богатые люди изъ раскольниковъ переходятъ къ австрійцамъ, а бѣдные и невѣжественные остаются въ беспоповщинской сектѣ. Но теперь есть (до 6 семействъ) и такіе люди, которые не принадлежатъ ни къ какой сектѣ, ибо нынѣ многіе раскольники откровенно сознаются, что они заблуждаются, но не пристають къ православію потому, что не къ чему имъ пристать. Вообще, обращеніе раскольниковъ только тогда можетъ быть успѣшно, когда здѣсь будетъ православный приходъ, церковь и духовенство. Меня они считаютъ не болѣе, какъ частнымъ человѣкомъ, а духовенства и церкви не видятъ. Беспоповцы (исключая самыхъ закоренѣлыхъ) скорѣе убѣждаются, ибо сами видятъ, что безъ церкви нѣтъ спасенія, но австрійцы другое дѣло. Они даже не хотятъ слушать никакихъ убѣжденій, ибо они очень преданы своему духовенству и слушаютъ его безпрекословно. Хорошо было бы самихъ наставниковъ ихъ (Пуговкина съ товарищами) побороть, но они живутъ въ Минусинскѣ и пріѣзжаютъ на Усь только въ мое отсутствіе. Они запретили своимъ послѣдователемъ учить у меня своихъ дѣтей и, какъ видно, хотятъ основать свое училище на Усу. Вообще, я теперь стараюсь, насколько могу, не допускать перехода въ австрійское согласіе, пока образуется православный приходъ.

2. *Сойоты*. Нынѣ среди сойотъ произошелъ бунтъ. Нѣсколько сумузовъ (волостей) взбунтовались и не только отобрали у русскихъ торговцевъ скотъ, но нѣкоторыхъ изъ нихъ подвергли даже истязаніямъ. Вслѣдствіе этого многіе сойоты, проживавшіе на Усу, боясь подвергнуться отвѣтственности за дѣйствія своихъ родичей, ушли за границу. Я же въ виду этихъ обстоятельствъ не могъ ѣхать къ нимъ, и поэтому мои сношенія съ сойотами сократились. Осенью пріѣзжали на Усь двое именитыхъ сойотъ (одинъ зять нойона), которымъ я подарилъ двѣ русскія азбуки; они условились со мною о томъ, что весною, когда я возвращусь на Усь, они привезутъ своихъ дѣтей учиться. Нынѣ у меня учится инородческій мальчикъ Иванъ Спиринъ, который служитъ мнѣ переводчикомъ въ сношеніяхъ моихъ съ сойотами. Вообще

если бы сойоты учились въздѣсь по—русски и приняли бы христіанство, то это много способствовало бы сближенію ихъ съ русскими, на которыхъ стали бы смотрѣть не какъ на своихъ враговъ (какъ теперь), а какъ на своихъ единовѣрцевъ, и конечно, не было бы такихъ явленій, какія теперь происходятъ между русскими и сойотами. Надобно сказать, что ламаизмъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе укрѣпляется между сойотами.

3. *Образованіе православнаго прихода.* Объ этомъ донесено то же, что и о. благочинному.

4. *О церкви.* То же, что и о. благочинному.

5. *О школѣ.* Православныхъ я научилъ молитвамъ и нѣкоторые толково знаютъ символъ вѣры и заповѣди. Замѣчательно, что родители этихъ дѣтей учились у нихъ главнѣйшимъ молитвамъ (Господней и Богородичной), которыхъ они не знали. Относительно различій нашихъ съ раскольниками я успѣлъ дѣтямъ объяснить только о значеніи троерукотнаго и двурекотнаго сложенія пальцевъ при осѣненіи себя крестомъ и о томъ, что образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ состоятъ не въ тѣлесныхъ его свойствахъ, а въ душѣ, при чемъ коснулся ученія раскольниковъ о бородѣ.

Я думаю, что мое трехлѣтнее пребываніе на Усу не прошло безслѣдно для Усинскаго края, который, къ тому же, въ эти три года получилъ большое развитіе. Чтобы яснѣе видѣть это, я имѣю честь представить здѣсь вашему преосвященству для краткаго сравненія состояніе края, въ какомъ я его засталъ, а также духовное состояніе жителей въ 1876 году и въ какомъ оно находится въ началѣ 1879 года.

1. *О раскольникахъ.* Въ 1876 году, ко времени моего появленія на Усу, здѣсь безраздѣльно царствовали раскольники, такъ что православные, не желавшіе переходить въ расколъ, должны были уйти въ другія мѣста, иначе подвергали свою жизнь опасности; собственно, владычествовали одни безпоповцы—странники и больше никого. Многіе изъ нихъ не имѣли никакого понятія ни о церкви, ни о духовенствѣ, а на православныхъ смотрѣли, какъ на собакъ. Теперь совсѣмъ другое. Расколъ раздѣлился на поповцевъ и безпоповцевъ, а нѣкоторые и совсѣмъ ушли изъ раскола, хотя не пристали и къ православной церкви, за отсутствіемъ храма и духовенства. Православныхъ увеличилось съ 4 до 35 семействъ. Своеволіе раскольниковъ обуздано и они уже не царятъ здѣсь. Въ прошломъ году многіе изъ нихъ познакомились со священникомъ и получили понятіе о церковномъ богослуженіи. Нѣ-

которые изъ раскольниковъ брали у меня книги и вступали въ собесѣдованіе о предметахъ разностей между ними и православными, съ которыми входятъ въ сношенія, какъ съ людьми.

2. *О соютахъ.* До моего пріѣзда союты даже не слышали имени Господа нашего Іисуса Христа, а теперь многіе изъ нихъ изъявляютъ желаніе принять св. крещеніе и дѣло остается только за разрѣшеніемъ этого вопроса.

3. *Православныхъ* къ моему пріѣзду на Усу было только 4 семейства да и тѣ хотѣли выѣзжать отсюда. Теперь тамъ до 40 семействъ, которые въ 1879 году должны получить формальное причисленіе туда, ибо дѣло затянулось только изъ за нѣкоторыхъ формальностей.

Прежде не было тамъ никакой промышленности, нынѣ болѣе 150 православныхъ рабочихъ людей находятся на золотыхъ промыслахъ.

Прежде было трудно пробраться въ Усинскій край, нынѣ устроены зимовья на Енчсеѣ и Усу и исправлена лѣтняя дорога.

Прежде никакихъ общественныхъ молитвъ не отправлялось; нынѣ я во всѣ воскресные и праздничные дни читаю утреню и часы. Въ прошломъ году здѣсь былъ священникъ, который исповѣдывалъ и приобщилъ 61 челов. православныхъ и окрестилъ 16 дѣтей. Теперь же православныхъ еще болѣе умножилось.

4. *О церкви.* До моего пріѣзда на Усь о церкви не было здѣсь и слова; теперь выбрано мѣсто для нея и производится сборъ пожертвованій; пока остановка за утвержденіемъ выбраннаго мѣста и высылкой плана. Прежде о православномъ духовенствѣ раскольники имѣли смутное понятіе; нынѣ же на Усу они воочию видѣли священника. Прежде никогда никакого православнаго богослуженія здѣсь не отправлялось, а нынѣ на площади д. Верхне-Усинской отслуженъ былъ молебень, на которомъ присутствовало много православныхъ.

5. *О школѣ.* Прежде относительно обученія никто и не думалъ. Нынѣ запасены всѣ матеріалы для школы и постройка ея останавливается только изъ за того, что неизвѣстно, утвердится ли мѣсто подъ постройку обще съ церковью. Прежде раскольники даже страшились думать о томъ, чтобы отдавать къ еретику учиться дѣтей, а нынѣ съ охотою отдаютъ. Прежде ни одного ученика не было, а теперь уже обучается 10 человѣкъ. Прежде ни одинъ православный мальчикъ не зналъ никакихъ молитвъ, а нынѣ родители учатся молитвамъ у сво-

ихъ дѣтей. Прежде ни одной православной книжки не было а нынѣ ихъ ужъ слишкомъ 400 экземпляровъ.

Вотъ какія перемѣны совершились здѣсь, при помощи Божьей, въ теченіи неполныхъ 3 лѣтъ. Сверхъ того, приобрѣтены подробныя свѣдѣнія о состояніи Усинскаго края.“

Въ началѣ года я писалъ къ Иннокентію Петровичу Кузнецову о томъ, что отецъ его обѣщаль прислать для Усинской миссіи монгольскихъ книгъ, и хотя я получилъ отъ Кузнецова отвѣтъ, но книгъ не получаль.

Въ началѣ же года я послалъ слѣдующій *отчетъ въ комитетъ грамотности.*

„Комитетъ грамотности не оставляетъ нашей Усинской школы безъ помощи. Въ 1876 г. выслалъ для нея 350 книгъ разнаго содержанія, а въ прошломъ году—журналъ „Семью и Школу“. Этотъ журналъ очень полезенъ для меня, ибо познакомилъ меня со многими вопросами, занимающими современныхъ педагоговъ. Я обѣщаль комитету ежегодно представлять отчетъ объ устройствѣ Усинской школы и о ходѣ учебныхъ занятій. Исполняю свое обѣщаніе. Къ несчастію, не могу сказать ничего утѣшительнаго.

Я уже доносилъ, что эта школа основывается при Усинской миссіи и имѣетъ цѣлью просвѣщеніе дѣтей раскольниковъ и полудикихъ сойотъ (китайскихъ подданныхъ). При этой школѣ предполагалось оборудовать ремесленные классы и опытные поля и огородъ, для чего крестьяне отводили 15 дес. земли. Дѣло тянется вотъ уже три года, но подвигается весьма туго. Деньги на постройку зданія школы собраны, матеріалы приготовлены, но нѣтъ мѣста подъ постройку. Кругомъ громадное пространство пустой земли, а школу построить негдѣ. Крестьяне очень сочувственно относятся къ школѣ а главари раскольниковъ и за ними мѣстная администрація тормозить все дѣло, ибо они знаютъ, что съ просвѣщеніемъ народа власть ихъ падаетъ. Да и трудно основать здѣсь что либо полезное. Крестьяне и теперь хорошо сознаютъ, что просвѣщеніе необходимо имъ, но они не могутъ выйти изъ заколдованнаго круга бѣдности, тяжелыхъ поборовъ и разныхъ прижимокъ, но какъ бы то ни было, а я увѣренъ, что дѣло Усинской школы въ нынѣшнемъ году непременно вырѣшится и тогда, конечно, скорѣе исполнятся мои предположенія объ устройствѣ школы, и я буду тогда въ состояніи представить комитету болѣе отрадную картину этого дѣла.

Но не ожидая еще постройки школы, я открылъ ученіе въ своей квартирѣ и имѣлъ уже 10 учениковъ; изъ нихъ было

5 православныхъ крестьянъ, 3 старовѣра и 2 инородца. Къ сожалѣнію, у меня были другія дѣла, такъ что я не могъ посвятить всего своего времени на занятіе съ этими учениками, но все таки къ концу года всѣ ученики читали церковную и гражданскую печать, считали на счетахъ и письменно, писали подъ диктовку и имѣли нѣкоторыя элементарныя понятія изъ грамматики и объ окружающихъ ихъ предметахъ. Знали о славныхъ происшествіяхъ изъ св. исторіи и толково читали нѣкоторыя молитвы. 23 декабря минувшаго года я произвелъ экзамень этимъ дѣтямъ въ присутствіи ихъ родителей, которые остались довольными успѣхами своихъ дѣтей. Съ будущаго года я буду имѣть помощника себѣ въ дѣлѣ обученія и тогда, конечно, оно пойдетъ успѣшнѣе. Что же касается сойотъ, то объ нихъ еще не вырѣшено, по какимъ видамъ и на какомъ основаніи принимать ихъ дѣтей въ школу. Впрочемъ, въ концѣ года было получено разрѣшеніе о принятіи ихъ въ христіанскую вѣру.

Итакъ, для устройства школы сдѣлано немного, но это ужъ не отъ меня зависитъ; насколько могу, я борюсь съ тѣми препятствіями, которыя встрѣчаю на своемъ пути“.

9 и 10 марта я послалъ слѣдующія донесенія о. благочинному.

1. Енисейскій епархіальный комитетъ православнаго миссіонерскаго общества отъ 7 марта 1878 года за № 47 предложеніемъ своимъ на ваше имя, переданномъ мнѣ при вашей надписи отъ 27 марта за № 106, предоставилъ мнѣ право принимать заявленія отъ лицъ, желающихъ поступить въ члены миссіонерскаго общества съ ежегоднымъ взносомъ въ пользу Усинской миссіи. Нынѣ, въ бытность свою въ Шушенской волости, я пригласилъ нѣкоторыхъ лицъ быть помощниками въ устройствѣ Усинской миссіи путемъ ежегодныхъ взносовъ, на что изъявили полное свое согласіе 9 человекъ. Списокъ этихъ лицъ и заявленіе имѣю честь при семъ представить. При этомъ покорнѣйше прошу ваше высокоблагословеніе исходатайствовать книжки и подписныя листы для сбора добровольныхъ пожертвованій въ пользу Усинской миссіи для крестьянъ Шушенской волости Ивана Ермолаева и Романа Середкина и для губернскаго секретаря Савиничъ, ибо они, находясь на службѣ,—Ермолаевъ волостнымъ головой, Середкинъ волостнымъ писаремъ, а Савиничъ акцизнымъ чиновникомъ,—могутъ быть весьма полезны въ этомъ отношеніи для Усинской миссіи и по положенію своему и усердію къ православнои церкви вполне бла-

гонадежны. О послѣдующемъ же не оставить меня увѣдомить.

2. Енисейская казенная палата указомъ своимъ, состоявшимся еще въ октябрѣ минувшаго года, предписала, чтобы потребовать отъ жителей дер. Верхне-Усинской (раскольниковъ) пріемный приговоръ на 15 православныхъ семействъ, причемъ предписала внушить имъ, что упорство ихъ не послужитъ имъ на пользу и что, въ случаѣ отказа ихъ, казенная палата вынуждена будетъ основать новое селеніе. Раскольники, по всему обыкновенію, сначала оттягивали это дѣло, но теперь, когда отъ нихъ потребовали рѣшительнаго отвѣта, они отказали въ пріемѣ православныхъ въ свою среду. Слѣдовательно, теперь должно быть образовано особое селеніе, для котораго выбрано мѣсто въ 5 верстахъ отъ д. Верхне-Усинской, вверху по р. Усу. Но несмотря на это, я и теперь нахожу д. Верхне-Усинскую самымъ приличнымъ мѣстомъ для церкви и школы по слѣдующимъ причинамъ. а) Построенныя въ другомъ мѣстѣ церковь и школа не будутъ имѣть никакого вліянія на расколь. б) Въ д. Верхне-Усинской теперь большой сѣздъ золотопромышленниковъ и торговыхъ приказчиковъ и довѣренныхъ, которые постоянно здѣсь живутъ. Сверхъ того, болѣе 200 человекъ рабочихъ будутъ здѣсь зимовать. в) Эта деревня служитъ центромъ для сѣзда православныхъ и стоитъ въ центрѣ золотыхъ приисковъ. г) Не получая ничего объ утвержденіи моего выбора мѣста подъ церковь, я пріостановился постройкой училища, но сторожку строю, ибо безъ того негдѣ производить ученіе и читать для православныхъ утреню и часы. Нынѣ здѣсь по случаю развитія золотопромышленности все страшно вздорожало. Поденная плата съ 50 коп. поднялась до 2 рублей, провозъ съ 20 коп.—до 50 коп., хлѣбъ ржаной съ 30 к.—на 1 руб., мясо съ 30 коп.—на 2 руб. Поэтому не только трудно производить постройку, но чрезвычайно трудно и жить здѣсь. Донося обо всемъ этомъ вашему высокоблагословенію, я покорнѣйше прошу васъ ходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ, о скорѣйшемъ утвержденіи моего выбора мѣста подъ церковь, чтобы я могъ производить безъ остановки постройку школы. Теперь же я боюсь ее строить, чтобы не пришлось перевозить ее въ другое мѣсто, что, конечно, будетъ сопряжено съ большими расходами.

Я нынѣ наслушался въ Шушѣ много о томъ, что вы мной недовольны. Конечно, я считаю всѣ эти слухи не болѣе—ни менѣе, какъ сплетней, но все таки я хочу уничто-

жить ихъ въ самомъ началѣ, а потому и хочу объяснить вамъ ихъ.

1. Говорятъ, что вы принимаете къ сердцу то, что мною недовольны богатые люди г. Минусинска. Признаюсь вамъ, что я не люблю богачей и особенно тѣхъ, которые угнетаютъ бѣдную братію. Натурально, что они меня и не любятъ. Но вспомните, что говоритъ евангеліе и апостолы. а) Удобѣе есть верблюду сквозъ иглы уши пройти, неже богату въ царствіе Божіе внити (Мѡ., зач. 79); б) не Богъ ли избра нищія міра сего..... не богатые ли насилуютъ вамъ и влекутъ вы на судища (Іак., зач. 52).

2. Говорятъ, что вы недовольны тѣмъ, что я въ своихъ корреспонденціяхъ задѣлъ г. Сафьянова. Но вѣдь корреспонденціи пишуся публично, а не за угломъ, и потому всякій, если видитъ, что корреспонденція несправедлива, можетъ во всякое время обличить это. Вспомните, что г. Сафьянова я считалъ одно время самымъ полезнымъ человѣкомъ для миссіи, но онъ по первому же разу поставилъ себя противъ этого дѣла: распускалъ между раскольниками вредные слухи обо мнѣ и о дѣлѣ миссіи; связался съ Медвѣдевымъ и Вавилинымъ—злѣйшими врагами православія и даже брался у нихъ за то, что онъ уничтожить дѣло миссіи въ самомъ началѣ. Конечно, Богъ не допустилъ ихъ до этого, но пріятно ли мнѣ было это. Въ прошломъ году онъ вмѣстѣ съ помянутыми лицами старался обвинить меня въ томъ, что я возбуждалъ бунтъ въ сойотахъ и, наконецъ, эти же люди нынѣ снова начали распускать слухи о томъ, что я ничего не дѣлаю для миссіи, а только торгую виномъ. На все это я имѣю факты, да и сами сообщники Сафьянова не скрываютъ того.

Будь здѣсь мировой судъ, я бы этихъ господъ притянулъ въ камеру мирового судьи, но такъ какъ здѣсь суда еще нѣтъ, то для заугольныхъ клеветъ такихъ людей большой просторъ. Какъ то владыка нашъ Антоній говорилъ мнѣ, что всякое доброе дѣло чрезвычайно трудно осуществляется и я съ этимъ совершенно согласенъ, но никакъ не ожидалъ такихъ препятствій, какія встрѣчаю я при устройствѣ Усинской миссіи. Но Богъ съ ними! И чему они тутъ завидуютъ? Неужели вы думаете, что возможно здѣсь прожить съ семействомъ на 180 рублей, или достаточно на разѣзды 60 рублей? Да я нынѣ заплатилъ только за проѣздъ на Усь 40 рублей. Право, иногда приходится на умъ бѣжать отъ всѣхъ этихъ дрязгъ, если бы не припоминались евангельскія слова: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“.—

этому мѣсту и приговоръ православныхъ жителей Усинскаго края объ этомъ выборѣ. Въ прошломъ же году я сдѣлалъ обкладку дома для училища, а нынѣ приступилъ и къ постройкѣ его.—Въ полугодичномъ моемъ отчетѣ въ комитетъ и вамъ я каждый разъ выяснялъ причины, побудившія меня выбрать мѣсто для построения храма въ д. Верхне-Усинской, и теперь я остаюсь при томъ же мнѣніи; слѣдовательно, я уже окончательно избралъ мѣсто подъ постройку храма и школы на площади д. Верхне-Усинской. Если же еще требуется исполнить какія либо формальности, или доставить свѣдѣнія, то я покорнѣйше прошу ваше высокоблагословеніе увѣдомить меня о томъ, и я исполню все въ точности“.

Въ это же время посланы къ благочинному еще слѣдующія донесенія.

1. Представляя при семъ заявленія Минусинскаго 2 гильдіи купца Н. Василкова и крестьянина Ковровскаго уѣзда г. Воробьева о желаніи ихъ быть членами миссіонерскаго общества съ ежегоднымъ взносомъ въ пользу Усинской миссіи—Василковымъ 25 рублей, а Воробьевымъ 10 руб.,—я покорнѣйше прошу представить ихъ заявленія по принадлежности и исходатайствовать для этихъ лицъ подписанные листы или книжки для сбора добровольныхъ пожертвованій на устройство училища и церкви въ Усинскомъ краѣ; оба эти лица вполне благонадежны и усердствуютъ по части постройки церкви въ д. Верхне-Усинской. О послѣдующемъ же дать мнѣ знать.

2. Такъ какъ срокъ, на который выдана была члену миссіонерскаго общества Семену Горбунову книжка для сбора добровольныхъ пожертвованій на устройство храма въ д. Верхне-Усинской, истекаетъ, то я предложилъ обществу православныхъ жителей Усинскаго края избрать изъ среды себя особаго сборщика для сбора добровольныхъ пожертвованій. Вслѣдствіе этого они 27 мая собрались въ д. Верхне-Усинской и избрали въ сборщики крестьянина дер. Кальской Ис. Фед. Горева, переселившагося въ Усинскій край, въ чемъ и составили приговоръ, который грамотные подписали сами, а неграмотныхъ рукоприкладчики, почему я, призвавъ старшину д. Верхне-Усинской Чашина, предложилъ ему завѣрить подписи подъ приговоромъ, но тотъ рѣшительно отказался, говоря, что эти люди не его вѣры и что онъ знаетъ ихъ не хочетъ. Когда же я указалъ, что у нихъ вѣдь одинъ царь и одно правительство, то Чашинъ сказалъ, что онъ служить своему обществу, а другихъ знать не хочетъ. О завѣреніи подписей

подъ этимъ приговоромъ я вмѣстѣ съ симъ прошу Шушенское волостное правленіе, но это можетъ затянуться на очень долгое время. Такъ какъ при устройствѣ храма частовременно будетъ встрѣчаться надобность въ засвидѣтельствованіи у старшины разныхъ документовъ, то не найдете ли вы нужнымъ исходатайствовать распоряженіе г. окружного исправника о томъ, чтобы здѣшніе сельскіе старшины не уклонялись отъ завѣренія подписей или документовъ, законно составленныхъ, подъ тѣмъ только предлогомъ, что они составлены или подписаны лицами не ихъ вѣры, и о послѣдующемъ почтить меня своимъ увѣдомленіемъ. Безъ этого будетъ весьма затрудненъ весь ходъ дѣла по устройству миссіи.

25 іюня получилъ я, при надписи благочиннаго, предложеніе комитета отъ 18 апрѣля за № 209, которымъ утверждался мой выборъ мѣста подъ церковь и разрѣшено строить училище.

7 іюля получилъ я отъ благочиннаго отъ 25 іюня за № 337 извѣщеніе объ утвержденіи членами миссіонерскаго общества 9 человекъ и о выдачѣ Савиничу, Ермолаеву и Середкину сборныхъ книжекъ.

10 іюля я представилъ о. благочинному приговоръ на избраніе сборщикомъ для сбора добровольныхъ пожертвованій крестьянина Исаака Горева.

12 іюля я представилъ архіерею *отчетъ за первую половину 1879 года*, состоящій въ слѣдующемъ.

„Въ прошломъ году здѣсь открыты золотые промысла и вслѣдствіе этого на Усу началъ измѣняться бытъ и составъ народонаселенія. Православныхъ жителей прибыло, дѣна на всѣ жизненные припасы возвысилась въ 5 разъ и, наконецъ, многіе старовѣры предались пьянству и разврату. Но я изложу все это по порядку въ слѣдующихъ статьяхъ.

1. *Раскольники.* Составъ ихъ и бытъ въ это полугодіе мало измѣнились, исключая того, что а) нѣсколько семействъ перешло въ австрійское согласіе; б) нѣсколько семействъ совсѣмъ отпали отъ раскола, хотя не пристають и къ православію; в) во многихъ изъ нихъ, въ особенности въ молодежи, замѣтна распущенность въ нравахъ; г) безпоповцы настаиваютъ на переселеніи ихъ отсюда, хотя этотъ вопросъ еще не вырѣшенъ правительствомъ; д) замѣтно во многихъ изъ нихъ сближеніе съ православными.

2. *Сойоты.* Я продолжалъ внушать имъ истину христіанской религіи и, конечно, объявилъ имъ, что ихъ дозволено прини-

мать въ лоно православной церкви. Но за отсутствіемъ священника это дѣло остается еще въ томъ же положеніи. Въ прошломъ году я возбудилъ черезъ о. благочиннаго вопросъ о порядкѣ принятія въ школу сойотскихъ дѣтей, на что не получилъ еще никакого разрѣшенія.

3. *Образованіе православнаго прихода.* Православныхъ крестьянъ все еще не перечислили сюда. Въ началѣ года казенная палата преллагала раскольникамъ принять ихъ въ свое общество, но тѣ отказались. Теперь православныхъ устраиваютъ особымъ селеніемъ близъ д. Верхне-Усинской, о чемъ ушло представленіе въ главное управленіе Восточной Сибири; кромѣ того, въ 50 верстахъ отъ этой деревни есть золотые промысла г. Гусева, на которыхъ находится 100 человѣкъ рабочихъ и человѣкъ 100 есть въ поселковыхъ развѣдочныхъ партіяхъ. Это все православные люди. Затѣмъ, въ д. Верхне-Усинской постоянно живутъ разные торговцы и служащіе. Нынѣ Минусинскіе жители послали съ эстафетой къ г. министру иностранныхъ дѣлъ записку объ отдаленіи границы дальѣ на югъ; если это совершится, то число православныхъ жителей на Усу еще болѣе увеличится.

4. *О церкви.* Мѣсто подъ церковь мною выбрано еще въ прошломъ году. Нынѣ, 25 іюня, я получилъ утвержденіе моего выбора, почему и распорядился объ огражденіи этого мѣста и поставилъ на немъ крестъ. Теперь ожидаю дальнѣйшихъ распоряженій комитета по этому предмету.

Такъ какъ крестьянинъ Семень Горбуновъ, будучи одинокимъ человѣкомъ, не могъ употреблять много времени на сборъ пожертвованій, то вмѣсто его обществомъ православныхъ жителей Усинскаго края избранъ въ сборщики для сбора добровольныхъ пожертвованій крестьянинъ Исаакъ Горевъ; приговоръ объ этомъ избраніи отосланъ для засвидѣтельствованія въ Шушенское волостное правленіе. — Въ члены миссіонерскаго общества еще поступило 11 человѣкъ съ ежегоднымъ взносомъ въ пользу Усинской миссіи 60 рублей (9 человѣкъ уже утверждены комитетомъ); нѣкоторые изъ нихъ получили сборныя книжки. Я не успѣлъ развить этого дѣла, ибо пробылъ въ Минусинскомъ округѣ очень немного времени. Такъ какъ это дѣло общааетъ большую помощь для миссіи, то я думаю нынѣшній голь посвятить ему большее количество времени.

По полученіи плана на церковь, я представлю свои соображенія о постройкѣ ея и о надзорѣ за этой постройкой.

5. *Объ училищѣ.* Разрѣшеніе строить училище я получилъ 25 іюня, но такъ какъ, по случаю нынѣшней дорого-

обществу, а другихъ звать не хочется. О извѣстныхъ подданныхъ

визны на всё предметы, квартиры поднялись въ цѣнѣ до того, что даже я былъ не въ состояніи нанять квартиру, то я ранней же весной началъ строить караулку и при ней амбаръ и кладовую. Къ пасхѣ постройка была готова, такъ что мы въ ней пѣли канонъ пасхи, а къ маю поспѣлъ и амбаръ съ кладовой; тогда же я переселился сюда на житье. Когда выстроются церковь и училище, она будетъ служить для нихъ общей караулкой, а амбаръ съ кладовой—для склада матеріаловъ при постройкѣ.

Такъ какъ я не получалъ до конца іюня разрѣшенія строить училище, то я къ этому и не приступалъ, а въ настоящее время строить невозможно, ибо здѣсь нѣтъ ни плотниковъ, ни печниковъ, ни кирпичниковъ. Всѣхъ этихъ мастеровъ нужно вывезти изъ Минусинска; да и прочіе рабочіе и матеріалы, по случаю поисковъ золота, чрезвычайно дороги, такъ что, если теперь строить, то это была бы только излишняя трата денегъ,—тѣмъ болѣе, что для одного училища подрядчики, пожалуй, и не поѣдутъ на Усь. Къ осени я ожидаю получить планъ на церковь; въ такомъ случаѣ лучше начать постройку училища вмѣстѣ съ церковью; это обойдется вчетверо дешевле настоящаго. Но чтобы не было задержки въ постройкѣ училища, я приготовилъ всё матеріалы для этого: лѣсъ, мохъ, тесъ, плахи и даже рамы съ баличниками.

Ученіе я продолжаю, сейчасъ у меня учится 11 человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ 6 православныхъ русскихъ, 2 инородца, 2 старовѣра австрійскаго согласія и 1 безпоповецъ. Я представлялъ о. благочинному прот. Бенедиктову о мѣстѣ подъ кладбище, но не получилъ еще на это разрѣшенія, а между тѣмъ, здѣсь умерли нынѣ двое взрослыхъ православныхъ и нѣсколько дѣтей. Всѣ они похоронены рядомъ со старовѣрскимъ кладбищемъ.

Теперь все мое вниманіе будетъ устремлено на пріобрѣтеніе новыхъ членовъ миссіонерскаго общества и на сборъ денегъ, а также на скорѣйшую постройку церкви и училища, ибо безъ священника и церкви не можетъ быть никакого успѣха въ обращеніи раскольниковъ въ православіе и сойотъ идолопоклонниковъ въ христіанство. Равнымъ образомъ не можетъ быть правильнаго ученія, если учителемъ не будетъ человѣкъ, постоянно занимающійся однимъ этимъ дѣломъ. Я же не могу посвятить всего своего времени ученію, ибо я здѣсь не только безпрестанно отвлекаюсь отъ этой обязанности, но, кромѣ того, я долженъ выѣзжать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Минусинскъ, а вслѣдствіе этого останавливается ученіе и ученики разбродятся, такъ что, по пріѣздѣ, я долженъ начинать снова.

Ежегодный взносъ членовъ миссіонерскаго общества послужить пособіемъ на содержаніе училища, церкви и духовенства, а сборныя деньги—на постройку зданій; поэтому я и хочу нынѣшнюю осень посвятить приобрѣтенію новыхъ членовъ, ибо это общааетъ большое пособие къ устройству миссіи и возбуждаетъ сочувствіе къ ней въ обществѣ. Послѣ ужъ некогда будетъ заняться этимъ.

Родившіеся младенцы всѣ крещены бабушками и повитухами во имя святой Троицы, ибо родители этихъ дѣтей не хотятъ, чтобы въ семействѣ ихъ были некрещеныя дѣти. Грустно еще то, что нынѣ умерли двое взрослыхъ безъ христіанскаго папствования.

Въ сентябрѣ с. г. православные жители Усинскаго края избрали меня попечителемъ Усинскаго училища и составили объ этомъ приговоръ, какимъ уполномочили меня хлопотать объ отводѣ земли къ этому училищу и распоряжаться ей по своему усмотрѣнію. Этотъ приговоръ, по засвидѣтельствуванію въ волостномъ правленіи, представленъ мною о. благочинному въ октябрѣ за № 44.

Въ концѣ сентября я вмѣстѣ съ сборщикомъ Ис. Горевымъ отправился на плотахъ въ Минусинскъ и его округъ, куда и прибылъ 28 сентября. До 9 октября я пробылъ въ с. Бейскомъ, а потомъ отправился въ г. Минусинскъ. Здѣсь я получилъ отъ о. благочиннаго предложеніе объ утвержденіи членовъ миссіонерскаго общества Гавріила Воробьева, Николая Василкова и сборщика Ис. Горева; я роздалъ имъ сборныя книжки.

Въ это же время я, изыскивая средства на постройку церкви на Усу, зашелъ за вспомошествованіемъ къ Саранскому 2-й гильдіи купцу Ив. Алекс. Денисову, который въ разговорѣ со мною изъявилъ согласіе построить храмъ на Усу своими рабочими и который, сверхъ того, посовѣтовалъ обратиться еще за помощью къ его компаньону Минусинскому 1-й гильдіи купцу Ив. Гавр. Гусеву. На мою просьбу И. Г. Гусевъ отвѣтилъ обѣщаніемъ способствовать постройкѣ Усинскаго храма. Вполнѣ надѣясь, что они исполнятъ свое обѣщаніе, я послалъ архіерею слѣдующее допесеніе (отъ 16 октября).

«Я уже доносилъ вашему преосвященству, что мной получено разрѣшеніе на постройку училища только 26 іюня с. г., и при той дороговизнѣ, которая существуетъ нынѣ въ Усин-

скомъ краѣ на рабочія руки, припасы и матеріалы, я не могъ приступить немедленно къ постройкѣ школы. Кромѣ того, для постройки недостаточно было и средствъ, собранныхъ путемъ добровольныхъ пожертвоваій. Проживая на Усу, я не имѣлъ возможности принести миссіи много пользы по слѣдующимъ причинамъ.

а) Въ училищѣ, хотя и было 10 учениковъ, въ томъ числѣ 4 старовѣрскихъ мальчика, и хотя многіе раскольники изъявляли желаніе отдавать своихъ дѣтей въ школу, но, по недостатку помѣщенія, я ихъ не могъ принимать.

б) При отсутствіи въ здѣшнемъ краѣ церкви и священника, я не могъ имѣть на раскольниковъ большого вліянія, ибо они не видѣли того, чѣмъ они отличаются отъ православныхъ и не имѣли въ своемъ краѣ церкви, къ которой можно было бы имъ присоединиться. Даже сами православные, умирая безъ христіанскаго напутствованія, не имѣя приличнаго мѣста для погребенія, живя безъ исповѣди и св. причастія и оставляя дѣтей безъ крещенія, находятся въ весьма смутномъ положеніи и слабые духомъ изъ нихъ могутъ легко поколебаться и перейти въ расколъ. Не могъ я также приводить въ христіанство и мѣстныхъ сойотъ, ибо некому было ихъ крестить.

в) Хотя епархіальный комитетъ правосл. мис. общества далъ мнѣ знать, что составленный планъ на церковь представленъ на утвержденіе совѣта миссіонерскаго общества еще 17 апрѣля и что оттуда затребовано на постройку храма 5 тысячъ рублей. Но съ того времени о ходѣ этого дѣла я не получалъ дальнѣйшихъ извѣстій. Между тѣмъ, я нахожусь въ двумысленномъ положеніи: на меня, свѣтскаго человѣка, раскольники смотрятъ, какъ на священную особу, подобную ихъ наставникамъ. Я говорю раскольникамъ о церкви, священствѣ, но они, не видятъ предъ собой ни того, ни другого. Такое мое положеніе можетъ много препятствовать къ искорененію раскола. При развитіи здѣсь золотыхъ промысловъ цѣны на всѣ предметы, необходимыя въ жизни, возвысились до огромныхъ размѣровъ, такъ что я ощущаю недостатокъ въ самомъ необходимомъ.

г) Съ наступленіемъ октября мѣсяца прерывались всѣ сношенія съ Минусинскимъ округомъ и до января я не могъ получать оттуда никакихъ извѣстій.

Все это побудило меня нынѣ же выѣхать (съ сборщикомъ Горевымъ) въ Минусинскъ, при чемъ я имѣлъ въ виду слѣдующее. Во-первыхъ, усилить сборъ на Усинскую миссію путемъ привлеченія новыхъ членовъ миссіонерскаго общества съ ежегоднымъ взносомъ въ пользу миссіи. Во-вторыхъ, нанять съ осени подешевле рабочихъ для постройки училища. Въ треть-

ихъ, закупить подешевле матеріалы и припасы. Въ четвертыхъ, въ случаѣ полученія разрѣшенія на постройку церкви немедленно же сдѣлать соответствующія распоряженія, согласно указаній комитета и мѣстнаго благочиннаго.

Семейство свое я оставилъ на Усу.

Нынѣ Богъ благославилъ мои заботы объ устройствѣ церкви. Я въ бытность свою въ Минусинскѣ обратился къ поч. гр. Ив. Гусеву и Саранскому 2-й гильдіи купцу Ив. Ал. Денисову за пособіемъ на этотъ предметъ, которые изъявили мнѣ согласіе на то, что, если будетъ готовъ лѣсъ, то они лѣтомъ же выстроятъ зданіе храма своими средствами. Донося объ этомъ весьма значительномъ пособіи помянутыхъ лицъ, я покорнѣйше прошу ваше преосвященство разрѣшить мнѣ немедленно заготовить лѣсъ для постройки храма и выслать мнѣ планъ предполагаемой церкви; если же онъ не полученъ еще изъ Москвы, то нельзя ли выслать хотя копію съ него, которая, вѣроятно, осталась въ комитетѣ. Планъ, или копія нуженъ для того, чтобы безошибочно заготовить лѣсъ для устройства храма и предъявить его жертвователямъ. Если же нынѣшней зимой не заготовить лѣса, то, во-первыхъ, устройство храма снова задержится на нѣсколько лѣтъ, ибо лѣсъ можно заготовить только зимой, а безъ лѣса строить нельзя; во-вторыхъ, изъявленное гг. Гусевымъ и Денисовымъ желаніе о постройкѣ храма въ Усинскомъ краѣ должно остаться безъ исполненія; и въ третьихъ, эти лица, вѣроятно, не откажутся пособить теперь намъ и въ другихъ нуждахъ, а потомъ уже этого будетъ ожидать нельзя. Пока можно удовлетвориться и копіей съ плана, а ко времени начала постройки церкви, навѣрно, придется и подлинный планъ.

Что же касается денегъ, собранныхъ путемъ добровольныхъ пожертвованій и тѣхъ, которыя будутъ высланы изъ совѣта православнаго миссіонерскаго общества, то онѣ еще понадобятся на заготовленіе лѣса и другихъ матеріаловъ, покупку книгъ, колоколовъ, священной утвари, на устройство иконостаса, училища и домовъ для священнослужителей и т. п. Если, ваше преосвященство, найдете нужнымъ разрѣшить заготовку лѣса, то я осмѣливаюсь покорнѣйше просить немедленно выслать мнѣ это разрѣшеніе вмѣстѣ съ копіей плана, пока я нахожусь въ Минусинскомъ округѣ, т. е. до 1 декабря. На заготовленіе же лѣса можно употребить деньги, собранныя сборщикомъ и членами миссіонерскаго общества, а также членскіе взносы ихъ“.

Н. Путиловъ.

† А. П. ДѢТИЩЕВЪ.

2 августа текущаго года погибъ въ горахъ Хамарь-Дабана преподаватель Иркутскаго учительскаго института А. П. Дѣтищевъ и его ученикъ П. И. Долгополовъ.

Это тотъ самый А. Дѣтищевъ, объ „ученой экспедиціи“ котораго въ южную часть Прибайкалья писалось въ „Сибирскомъ Архивѣ“ и въ прошломъ году (№ 6—8), и въ нынѣшнемъ (№ 5).

Жаль, конечно, гибели этой молодой еще жизни, такъ рано оборвавшейся, и безконечно жаль юноши Долгополова, вѣрившаго свою жизнь своему учителю!....

О гибели ихъ Иркутская газета „Сибирь“ въ № 177 (отъ 6 августа) сообщаетъ:

«Передаютъ, что погибшіе вышли изъ становища 31 іюля, а 1 августа направились вглубь, въ горы. Погода была прекрасная, и никто не захватилъ съ собой достаточно теплой одежды.

Ждали ихъ обратно 2-го къ вечеру, но съ утра поднялся страшный вѣтеръ съ дождемъ и снѣгомъ, пойти же на встрѣчу путникамъ возможно стало только рано утромъ 3-го.

Но тогда А. П. Дѣтищевъ и П. И. Долгополовъ были найдены уже мертвыми, на разстояніи 1—1½ верстъ отъ становища, въ разныхъ мѣстахъ, довольно далеко другъ отъ друга, но на вѣрномъ пути по отношенію къ стану. Последнія замѣтки къ записныхъ книжкахъ, найденныхъ у погибшихъ, относятся въ 8 час. утра 2 августа.»

М. П. Овчинниковъ и я всегда отрицательно относились къ всевозможнымъ „научнымъ“ выступленіямъ А. Дѣтищева.

Я знаю его давно, со школьной скамейки. Вмѣстѣ съ нимъ я учился и окончилъ Вологодскую духовную семинарію. Учился онъ въ числѣ первыхъ по разрядному списку, но среди товарищей не пользовался репутаціей серьезнаго и на-

читаннаго человѣка. Между тѣмъ, въ этомъ курсѣ было немало замѣчательныхъ тружениковъ. Напр., Ст. Заплатинъ, который за семигарскій курсъ смогъ проштудировать всего историка Соловьева и проглотить, буквально проглотить, Шекспира (отъ котораго и получилъ свою кличку), русскихъ писателей, философовъ и два лексикона—греческій и латинскій. Этотъ Заплатинъ окончилъ, кажется, шестымъ по списку, но de facto считался первымъ. Или напр. А. Ржаницынъ, окончившій семинарію послѣднимъ въ первомъ разрядѣ, былъ несомнѣнно и даровитымъ, и начитаннымъ и глубокимъ мыслителемъ. Что же касается Дѣтищева, то онъ въ семинаріи считался просто „мальчикомъ“, который исправно „зубрилъ“ уроки по учебникамъ, дальше которыхъ никогда не шелъ. Въ свободное время обычно „пиликалъ“ онъ на скрипкѣ, и своей игрой положительно „изводилъ“ классъ. Помню, на этой почвѣ часто происходили недоразумѣнія. Я лично никогда не видалъ у А. Дѣтищева книгъ для чтенія; если онъ и бралъ что нибудь въ библиотекѣ, то лишь на предметъ пособій для письменныхъ работъ.

Черезъ десять лѣтъ послѣ окончанія семинаріи я встрѣтился съ А. Дѣтищевымъ въ Иркутскѣ.

Вишше онъ сильно измѣнился, по духовно остался такимъ же, какимъ былъ и на „бурсѣ“. Самообразованія, начитанности, ознакомленія съ послѣдними открытіями и научными изслѣдованіями у него не было и теперь. А затѣмъ я вообще убѣдился, что и въ настоящее время учебники были у него на первомъ планѣ.... Правда, онъ умѣлъ эти свои скромныя знанія облекать въ „ученыя“ фразы съ профессорскими жестами и апломбомъ, но всякій специалистъ легко бы могъ разобраться въ этой фразировкѣ, что и было въ дѣйствительности.

Недостаточность самообразованія, мнѣ кажется, и была главной причиной его обычныхъ логическихъ промаховъ въ спорахъ и обвиненіяхъ и уклоненія отъ серьезныхъ научныхъ дебатовъ. Иначе неминуемо пришлось бы „разъяснить“ себя.... По этой же, вѣроятно, причинѣ А. Дѣтищевъ избѣгалъ и работы въ печати. Я помню, онъ всегда охотно брался въ географическомъ отдѣлѣ за научныя статьи, но никогда ихъ не сдавалъ въ печать. Въ квартирѣ его иногда неприятно поражало отсутствіе чернилъ и бумаги..... Какъ то разъ я указалъ ему на это обстоятельство, и онъ, ничтоже сумняся, сказалъ, что „не требуется“. Дѣйствительно, ему не „требовалось“, такъ какъ для подготовки къ урокамъ онъ имѣлъ классную доску, на которой писалъ мѣломъ....

Вотъ на основаніи такихъ то данныхъ я всегда скептически и относился ко всѣмъ научнымъ предпріятіямъ А. Дѣтищева, какъ и къ его экспедиціи на Хамарь—Дабань. Я не думаю, чтобы онъ обогатилъ науку какимъ нибудь цѣннымъ трудомъ; все дѣло ограничилось бы словесными докладами въ географическомъ отдѣлѣ о „видѣнномъ и слышанномъ“. Для кропотливой работы ученаго нужна другая подготовка и другой характеръ.

Указанія М. П. Овчинникова и мои на слабость и неумѣлость организациі экспедиціи вполне подтвердились. Я только не ожидалъ рокового исхода..... Интересное совпаденіе. Я всегда былъ противъ того, чтобы завлекать въ подобныя экспедиціи воспитанниковъ учебныхъ заведеній; лѣто имъ дается для отдыха, а не для утомительныхъ и опасныхъ путешествій..... И въ результатѣ—жертва, тяжелая жертва... П. Долгополовъ—это милый юноша, даровитый, трудолюбивый, много общавшій впереди....

Объ А. П. Дѣтищевѣ я еще хочу сказать нѣсколько словъ по поводу его дѣятельности въ вост.—сибирскомъ отдѣлѣ географическаго общества. Въ №-рѣ 178 „Сибири“ говорится:

«Тамъ онъ являлся душой и самымъ энергичнымъ работникомъ въ сложной музейской работѣ. Цѣлыми мѣсяцами просиживалъ онъ здѣсь въ лабораторіи надъ геологическими коллекціями, работая съ микроскопомъ, реактивами, изготовленіемъ шлифовъ. Геологія была для него всѣмъ, была фокусомъ его умственной жизни. Для нея онъ жертвовалъ всѣмъ, изъ-за нея принималъ поѣздки за границу и на геологическихъ изслѣдованіяхъ, наконецъ, погибъ. Избравъ себѣ специальную дисциплину, онъ охотно шелъ навстрѣчу и вообще вопросамъ образованія,—такъ называемыя «объяснительныя чтенія» по праздникамъ въ музеѣ въ огромной своей части были дѣломъ его рукъ».

Это правая сторона медали. Необходимо однако упомянуть и о лѣвой сторонѣ.

Въ члены распорядительнаго комитета географическаго отдѣла А. Дѣтищевъ прошелъ въ то время, когда въ жизни этого общества возгорѣлась страстная борьба около личностей консерватора музея М. П. Овчинникова и препаратора А. И. Кирилова. Борьба эта была затѣяна извѣстной „кампаніей“, о дѣятельности которой уже достаточно писалось въ Иркутской газетѣ „Сибирскій Понедѣльникъ“. Въ этой теп-

лой „кампаніи“ А. Дѣтищевъ вмѣстѣ съ покойнымъ прот. Подгорбунскимъ занялъ самую непримиримую позицію; онъ положительно что, называется, „лѣзъ на стѣну“. Во время моего третейскаго суда съ Холодковскимъ и Львовымъ онъ, въ качествѣ свидѣтеля, держалъ себя настолько дерзко, что предсѣдатель принужденъ былъ остановить его, а всѣ его показанія представляли изъ себя плохо сшитый сборникъ сплетенъ, не относящихся къ дѣлу..... Самый третейскій судъ, тѣсно связанный съ разгорѣвшейся въ географическомъ отдѣлѣ борьбой, былъ въ значительной степени обязанъ стараніямъ А. Дѣтищева. И этотъ судъ кончился позорнымъ приговоромъ для „кампаніи“, въ томъ числѣ ео ipso и для Дѣтищева..... Или напр. взять его кляузное заявленіе о консерваторѣ музея, поданное въ распорядительный комитетъ; здѣсь онъ договорился до противорѣчій даже съ самимъ же собой. Въ свое время это выступленіе по достоинству было оцѣнено въ «Сибирскомъ Понедѣльникѣ».

Такая непримиримость и вызывающія выступленія много вредили работѣ ученаго учрежденія. Часть членовъ совсѣмъ ушла изъ отдѣла, другіе опустили руки. Прежде славный отдѣлъ географическаго общества наполнился теперь людьми, далекими отъ науки, и получилъ характеръ „семейнаго кружка“, въ которомъ „кампанейцы“ заняли руководящую роль. Одинъ изъ моихъ Иркутскихъ знакомыхъ вполнѣ справедливо назвалъ нынѣшній географическій отдѣлъ *канцеляріей*, управляющимъ которой состоитъ опытный бюрократъ; вся работа этой канцеляріи сводится къ регистраціи входящихъ и исходящихъ и къ саморекламѣ на засѣданіяхъ. Тамъ все говорятъ и пишутъ, кричатъ о дѣятельности, но не дѣлаютъ..... Если же и дѣлаютъ, то, думается, что лучше бы иногда—этого не дѣлали..... Иркутскій ученый ареопагъ химически растворился въ пустозвонную массу, у которой однако сомнѣніе обратно пропорціонально знаніямъ.

Въ результатѣ—ученая дѣятельность географическаго отдѣла заглохла. Иначе и быть не могло.

Надъ свѣженасыпаннымъ могильнымъ холмомъ я промолчалъ бы по римскому обычаю, но нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, раздавать налѣво и направо лавры ученаго и особенно тамъ, гдѣ одна мистификація.... Всему есть границы, даже и correctness.

А. Линьковъ.

Пѣсни отживающаго поколѣнія.

Новое время—новыя птицы*

Новыя птицы—новыя пѣсни

Усложнившіяся жизненные условія, близкое соприкосновение города съ деревней, притокъ новыхъ вѣяній,—все это постепенно разрушало и продолжаетъ разрушать былой патриархальный укладъ, мѣняло и все еще продолжаетъ мѣнять духовную фizioномію деревни. Перемѣна въ настроенія не могла не сказаться на народномъ творествѣ, въ которомъ отражаются всѣ измѣненія массовой психологіи. Давно уже проникъ въ деревню и здѣсь укоренился новый родъ пѣсни. Около 20 лѣтъ назадъ всѣмъ извѣстный беллетристъ-этнографъ С. В. Максимовъ жаловался, что „*канфетки* и *стрѣлочки* изгнали коренную и родную народную пѣсню“*). „Припѣвки“, „ихахошки“, „пригудки“ и т. д., подъ общимъ названіемъ *частушекъ*, вытѣснили старую, „протяжную“ пѣсню, которую теперь только случайно, очень рѣдко можно услышать отъ стариковъ и старушекъ, считающихся уже теперь рѣдкими единицами. Пройдетъ десять лѣтъ—и сойдутъ въ могилу эти милые и простодушные хранители произведеній стараго пѣсеннаго творчества. Необходимо приложить всѣ старанія, чтобы спасти отъ забвенія старинную пѣсню.

Въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, Иркутской губ., мнѣ посчастливилось записать нѣсколько пѣсенъ со словъ старушки крестьянки (60 л.) Елены Алексѣевны Виноградовой (въ селѣ Тулуниѣ).

*) «Живая старина», 1897) в. I, стр. 49.

I.

Какъ за рѣченкой казакъ гуляль,
Ковыль—травоньку рваль,
Огонечекъ онъ клалъ да раскладываль.
Свои раны онъ развязываль,

приговариваль:

—Ужь вы, раны мои, вы тяжелыя,
Тяжелымъ-то тяжелы, тяжеленьки,
Ко сердцу-то подошли, ко ретивому.
Видно, смерть мнѣ пришла подь

березынькой,

Добру молодцу.

Передь смертью казакъ

Своему коню наказываль:

—Ужь ты, конь, ты, мой, конь

вороненькій,

Ты лети-ка, мой конь,

Къ моему батюшкѣ въ дворъ,

Ко дубовымъ воротамъ,

Ко прекрасному крыльцу.

Молода моя жена

Выйдетъ спрашивать,

А родимый мой бтюшка

За шелковъ поводъ возьметъ,

Родимая моя матушка

Будетъ тебя разглаживать да

выспрашивать:

—Конь, ты, мой конь,

Гдѣ хозяинъ твой?—

—Хозяинъ мой въ чистомъ полѣ,

Подь кудрявой подь березочкой:

Не одинъ онъ лежитъ—со дружинуюшкой,

Съ острой сабелькой.

Эта пѣсня полсотни годовъ назадъ считалась старинной, по сообщенію пьсельницы, которая „переняла“ ее отъ своего дѣдушки (въ селѣ Шабарта, Нижнеудинск. у.), будучи еще *малолѣткою*.

II.

Ужь вы, горы мои закубанскія,

Закубанскія горы повысоки,—

Что-то вы, горы, спородили?

—Породили мы, горы,

Быстру рѣченьку.
Бѣжить рѣчка быстра, камениста,
А среди рѣчки стоялъ
Часть ракушковъ кустъ.
На кусту-то сидитъ
Младъ сизой орель,
Во когтяхъ-то онъ держитъ
Черна ворона.
Онъ бить его не бьетъ,
А все выспрашиваетъ:
—Гдѣ ты, воронъ, былъ,
Гдѣ полетывалъ?
Что, воронъ, видаль,
Что повидывалъ?
—Леталь я, воронъ,
По крутымъ горамъ,
По дикимъ степямъ.
Видалъ я бѣду бѣдную—
Тѣло бѣлое, молодецкое,
Грудь солдатскую,—
Среди поля лежитъ
Не обмытое,
Не прикрытое.
Никто къ нему не хаживаль,
Никто слѣда не пролаживаль.
Прилетѣли къ нему три касаточки:
Одна-то касаточка—
Мать родимая,
Другая—родима сестрица,
Третья—молода жена.
Мать сѣла ему на головушку,
Сестра—на бѣлу грудь,
А жена его—на рѣзвы ноги.
Мать плачетъ, какъ рѣка бѣжить,
Сестра плачетъ, какъ ключи кипятъ,
Молода жена плачетъ,
Какъ утрення роса съ травы падеть:
Солнце выглянетъ—росу высушить,
И жена гулять пойдетъ.

Къ этой пѣснѣ Виноградова поясняла:

— Соберутся, бывало, съ прялками, а кто съ шитвомъ*)

*) Съ шитьемъ.

у кого-нибудь изъ сусѣдей, ну и поють; мы, дѣвченки, тутъ же—кто пряжу мотааетъ, а кто лучину держить: тогда еще съ лучиной вечера-то сидѣли.

Ш.

— А вотъ мой дѣдушка Сергѣй Григорычъ любилъ пѣсню:

Какъ со вчера	Сабля острая.
Мужъ коня сѣдлалъ,	.....*)
А съ полуночи	По утру ранешенько
Въ разбой ѣзжалъ,	Вставали дѣтушки,—
Ко бѣлу свѣту	Доправляли свою
Домой приѣзжалъ.	Родиму матушку:
Постукался,	—Ахъ ты, Господи,
Побрякался:	Гдѣ наша матушка?—
—Пропусти, жена,	—Ваша матушка
Пропусти, молода;	На рѣку ушла,
Ты бери, жена,	На глубокую.—
Сумы новыя.—	Дѣти сбѣгали,
Сняла жена	Попровѣдали:
Сумы новыя,	„Нѣтъ нашей матушки!“
Въ сумѣ-то было	—Ваша матушка
Цвѣтно платьице.	Въ банѣ парится,
Платье вынула—	Бѣло моется.
Ручкамъ схлопнула,	Сбѣгали,
Слезно всплакала:	Попровѣдали:
—Зачѣмъ убилъ,	“Все нѣтъ маменьки!“
Зачѣмъ загубилъ?—	—Ну, ужъ, дѣтушки,
Это была моя	Скажу я вамъ
Родима сестрица,	Правду-истину:
А дѣтямъ своимъ	Ваша маменька
Родима маменька.	Во сыромъ бору
—Не я ее убилъ,	Подъ сосенкой
Не я погубилъ,	Беретъ ягодыки...
А убила ее	.....**)
Ночка темная,	

IV.

Бѣлы снѣжки лопушисты

Покрывали всѣ поля,

*) «Тутъ маленько запаятовала» (Е. А. В-ва).

***) «Конецъ вотъ то же теперь ужъ не вспомню» (Е. А. В-ва).

Одно поле стоять непокрытое,—
Горе лютое, братцы, мое.
Среди поля стояль кусточекъ,
Одинешенекъ онъ, братъ, стоять.
Его вѣточки къ землѣ пригнуты,
И ни листочка на немъ нѣтъ.
Я со той тоски-досады
Пойду—выйду на рѣку.
На крутомъ на бережечкѣ
Подыщу себѣ пенечекъ,
Подгорюнившись, сяду—посажу,
Погляжу я въ ту сторонку,
Гдѣ судьба моя живетъ...
Откуль взялся сизенькій голубчикъ,
Вьется голубъ надо мной.
Вился голубъ, вился сизый,
Началь спрашивать меня!
Скажи-ка мнѣ, дѣвица,
Гдѣ же родина твоя...

..... *
Поди, дѣвушка, поди, красная,
Замужъ за меня...

V.

Гуленька ты, голубчикъ,
Златокрылый воркуночекъ,
Зачѣмъ въ гости ко мнѣ не летаешь?
Али дома моего не знаешь?
Али голосу ты моего не слышишь?
Вѣрно, мой громкій голосъ
Вѣтричкомъ относить,
А тебя, вѣрно, голубя,
Дождичкомъ мочить,
Осеннимъ насквозь проливаетъ.
Про тебя я вѣсточку услышала,
Что ты сидишь во засадѣ,
Во бѣлой палатѣ—
Въ губернскомъ острогѣ,
Гдѣ нѣтъ ни дверей, ни окошекъ,
Только есть одна печь муровая,
А въ ней труба дымовая...

---

*) «Тутъ у нихъ разговоръ идетъ, да забыла я...» Наконецъ, онъ ей говоритъ: «Поди, дѣвушка» (Е. А. В-ва).

VI.

Проходи-ко, скучно время, поскорѣй,
Протекайте, всѣ минуты, люты дни.
Подъ окошечкомъ бѣдна дѣвчонка,
— А Призадумавшись, сидитъ,
Сидитъ—плачетъ и рыдаетъ,
Въ слезахъ рѣчи говорить:
— Долго ли я буду крушиться,
Долго ли я буду страдать?
Чего сердце мое ожидаетъ—
Будто милого мнѣ не видать.
Сохнетъ и блекнетъ въ полѣ травка безъ дождя,
Плачетъ дѣвушка безъ милаго дружка.
Когда дождичкомъ травку помочить,
— Пронуетъ Травка вздохнетъ,—
Когда меня милый полюбитъ,
Тогда сердце мое отойдетъ.
Расцвѣтутъ цвѣточки
И всѣ ракитовы кусты.
Между этихъ-то кустовъ
Бѣжить рѣчка небольшая—
Не широка, не глубока,
Съ берегами наравнѣ.
Вотъ на эту-то рѣчушку
Гулять съ милымъ выхожу,
— Завяжу я свое горе выношу.
Завяжу я свое горе въ узелокъ,
Отпущу я свое горе
По быстрой по рѣкѣ.
Но не тонетъ мое горе,
Не тонетъ, не плыветъ,
— Но и ко бережку пристаеетъ,
Сердцу назолушки (?) даетъ.
Всѣ лебедушки,
Всѣ плыли попарно,
А я младенька—все одна.
Всѣ спорхнули, улетѣли,
Опять осталась я одна.

VII.

Несчастливая дѣвчонка

На свѣтъ была рождена,

Въ какого же тирана

Она была влюблена.
Тиранъ ты, злой мучитель,
Зачѣмъ мучишь меня?
Зачѣмъ мучишь—тиранишь,
Тиранишь и грозишь,
Съ моей несчастной долей
Ругаешь меня и бранишь?
Не разъ я тебѣ говорила,
Не два, любезный мой:
Спокинь свою досаду,
Побудь хоть часъ со мной.
А ты, какъ вѣтеръ въ полѣ,
Одно свое твердишь...
Вѣдь аленькій цвѣточекъ
Отъ солнышка поблекъ,
Ракитовый кусточекъ
Отъ вѣтрышка засохъ.
На кустикъ листочекъ
Отчего скоро опалъ?
Миленькій дружочекъ
Отчего скоро отсталъ?
Окладная моя могила,
Окладный ты мой гробъ.
Сказалъ: не ворочуся,
Не буду больше твой!

VIII.

Ахъ вы, ночи мои, ночи темныя,
Надоѣли вы мнѣ, наскучили,
Меня съ миленькимъ разлучили.
Всю я ноченьку просидѣла,
Всѣ я думушки продумала.
Одна думушка съ ума нейдетъ,
Съ ума—крѣпкаго разума.—
Сама, я, дѣвка, глупо сдѣлала—
Своего дружка прогнѣвала,
При компаніи его обезчестила,
Назвала его горькой пьяницей.
Онъ въ кабакъ идетъ—ровно макъ цвѣтеть,
Изъ кабака идетъ—онъ, какъ ракъ, ползеть,
Ползеть да все валяется,
Все мной дѣвушкой похваляется.
Откажу я ему отъ фатерушки,
Отъ мягкой постелюшки.

IX.

Безъ огня сердце мое разожгло,
Безъ буйныхъ вѣтровъ мои мысли разнесло,
Разнесло ихъ по чистымъ по полямъ,
По зеленымъ по лугамъ.
Кто бы моему горю помогъ,
Кто бы моей печали пособилъ,
Кто бы мнѣ милого воротилъ?
Не стояла бы моя горница пуста,
Не сидѣла бы я у окошечка одна,
Не лила бы я горючихъ слезъ изъ глазъ.
Гдѣ бы, гдѣ бы мнѣ его увидеть
Да въ глаза бы напеньяť:
Рано, рано ты отъ меня отсталъ,
Негодяйку любить сталъ.

X.

Куда ты, милый, скрылся,
Гдѣ тебя я буду искать?
Ѣдетъ милый съ полку —
Душечка домой.
Конь подъ нимъ персидекій,
Черкесскій уборъ,
Кисти бравы-золотыя
И красавчикъ еобой.
Куда, милый, уѣзжаешь?
Ну, такъ Богъ съ тобой...
Зачѣмъ меня покидаешь?
Погодушка дуетъ,
Вѣтеръ подуваешь,
Сестрицы-подружки,
Какой нонче свѣтъ!
Кого ни полюбить —
Ни въ комъ правды нѣтъ.
Богъ его накажетъ
Несчастною судьбой,
Несчастною судьбой —
Глупою женой.

XI.

Х о р о в о д н а я .

Анюточка черноброва
Любить парня не хорова.

—Я любить-то не люблю,
Наглядѣться не могу,
Ни нарадоваться.
Кину—брошу грусть—тоску,
Жить поѣду во Москву.
Во Москвѣ-то жить не буду,
Сударушку не забуду.
Сударушка моя,
Лебелушка бѣлая,
Нелюди тебя
Презирали безъ меня,
Нелюди сапожники
И безлюдье кузнецы,
Бирюсински мужики
Они воры—ябедники;
Они пашенку не пашутъ,—
Завсегда хлѣбъ продаютъ;
Они солоду не ростятъ, —
Завсегда пиво варятъ.
Завсегда пиво варятъ,
Красныхъ дѣвушекъ манятъ.

XII.

Х о р о в о д н а я :

Кумушка—кума
Одинокая была.
Затопила избушку,
Сама по воду пошла
На Самару на рѣку.
На Самарѣ рѣкѣ
Много гусей, лебедей:
Утки сѣренькія,
Гуси бѣленькіе.
Они сѣли, полетѣли,
Свѣжу воду замутили.
Я на камешкѣ стояла
Свѣжой воды ждала,
Гранатуровымъ платочкомъ размахивала.
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко,
На плеченьки *признала*,
На круту гору зашла.
А навстѣчу кума.
— Ужъ ты, кумушка—кума,

У тебя въ гостяхъ была от-атнош. R—
Безъ Ужь истопилася изба, изуглилася;
Безъ Простой мѣденикъ *) у печки
Разн Надсѣлся кипучѣтъ—
По Безъ ключевой безъ воды.
Кто Одна курочка по лавочкѣ похаживала,
Кто Поговаривала:
Кто — Ушла наша кума
По Черезъ три поля гулять,
По Ярового хлѣба жать.
На Перво поле—ярово,
Гдѣ А другое—аржено.
Да Третье поле—
Рано Конопель трещить,
Негод Воробей свистить,
Сто рублей тащить.

XIII.

Хороводная.
Собирались дѣвки въ лѣсъ погулять,
Въ лѣсъ по калину, по малину, по черную смородину.
Всѣ дѣвушки въ чулкахъ, въ башмакахъ,
Одна дѣвка босякомъ пошла.
На ту пору—распрокляты комары.
Всѣ дѣвки разсыпаючи идутъ,
Одна я рукавами все машу,
Машу, машу—обораниваюсь.
Оглянулась я младешенька назадъ,—
Назади-то стоитъ армія солдатъ.
—Солдатушки-батюшки,
Сестри Дайте сапоговъ поиграть,
Какой Поиграемъ да назадъ отдадимъ.—
Кого Сидятъ дѣвки посидѣночку.
На Пришелъ къ дѣвушкамъ незнакомый человекъ.
Богъ Стали дѣвки перешептываться:
Нечас Чѣмъ гостя потчевать?
Пивцомъ, винцомъ, сладкой водочкой?
Глуши Одна дѣвушка млада да мудрена:
Взяла паря за святыя волоса,
Провела его по сѣничкамъ.

*) Мѣдный котель.

Матеріалы по исторіи пребыванія въ Сибири поляковъ-повстанцевъ 1831 г.*).

(Продолженіе будетъ).

I.

Приказъ Богучанскому волостному правленію.

Указомъ Енисейское губернское правленіе отъ 23 января № 306 Енисейскому уѣздному земскому суду дало знать, что изъ числа ссыльныхъ 31 арестантской партіи причислены въ оную волость 3 человѣка, съ трехлѣтнею отъ платежа податей льготою, при чемъ приложило объ нихъ и статейные списки. *Приказали:* о содержаніи сего указа съ приложеніемъ копій со статейныхъ списковъ дать знать приказомъ оному волостному правленію, № 1262 февраля 10 дня 1835 года. Засѣдатель Мизгиревъ, секретарь (подпись неразборчива).

Статейные списки о ссыльныхъ 31-й арестантской партіи, причисленныхъ въ Богучанскую **) волость. Льготныя:

1. *Лукаша Губрикъ*, 37 лѣтъ, Царства Польскаго изъ шляхтичей, за связь съ злоумышленниками Завишею и Борневскимъ, вторгнувшимися въ Царство Польское для произведенія новаго возмущенія,—по конфирмаціи его свѣтлости главнокомандующаго дѣйствующею арміею г. генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго, по лишеніи шляхтичьяго достоинства, ссылается въ Сибирь на поселеніе. Лицомъ блѣлъ, шадровать, глаза сѣрые, носъ продолговатъ, волосы темнорусые, росту 2 арш. 6 верш.

2. *Иматій Арпимевскій*, 21 года Царства Польскаго изъ шляхтичей, по извѣщаніи отъ сосѣда своего Цѣлинскаго,

*) Приводимые документы по исторіи прибыванія въ Сибирь поляковъ повстанцевъ 1831-го года взяты изъ Архива Пинчугскаго волостного правленія, Енисейскаго уѣзда.

**) Теперь Пинчугская волость.

что въ лѣсу, близъ Латабарной, скрывается вооруженная шайка, которая умышляетъ возобновить мятежъ, и что начальникъ шайки Завиша желаетъ съ нимъ видѣться, то онъ, Арпишевскій, будто бы подъ предлогомъ, не найдетъ ли въ оной шайкѣ брата своего, въ коей видѣлся съ начальникомъ оной Завишею, принялъ отъ него возмутительную прокламацію, доставленіе оной шайкѣ провизіи и нѣсколько пуль, приглашеніе, по порученію Завиши, помѣщика Барзинскаго въ шайку,—по конфирмаціи главнокомандующаго дѣйствующею арміею князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго, лишень шляхетства и ссылается въ Сибирь на поселеніе. Лицомъ бѣлъ, глаза голубосѣрые, носъ умѣренный, волосы темнорусые, росту 2 арш. $5\frac{3}{4}$ в.

3. Францъ Журавскій, 25 лѣтъ, Царства Польскаго изъ шляхтичей, за знаніе про злоумышленниковъ, вторгнувшихся въ литовской обводъ для произведенія мятежа, принялъ предложеніе отъ мыслившаго приглашать въ шайку находящихся людей, служившихъ въ войскахъ, за двукратное свиданіе съ злоумышленникомъ Киселевскимъ и освобожденіе его изъ подъ ареста въ то время, когда онъ былъ задержанъ подсмотрщиками, и ложное при допросѣ показаніе,—по конфирмаціи главнокомандующаго дѣйствующею арміею князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго, по лишеніи шляхетскаго достоинства, ссылается въ Сибирь на поселеніе. Лицомъ бѣлъ, рябоватъ, глаза голубосѣрые, носъ продолговатъ, волосы свѣтлорусые, росту 2 арш. $4\frac{1}{4}$ верш.—Вѣрно: секретарь Немолотышевъ.—Получены въ волостномъ правленіи № 85 27 февраля 1835 года.

II.

Копія, 1835 года февраля 27 дня въ Богучанскомъ волостномъ правленіи резолюціею заключено. Какъ, при полученіи статейнаго списка, означенныхъ въ ономъ польскихъ шляхтичей трехъ человекъ Лукаши Губрика, Игнатя Арпишевскаго и Франца Журавскаго, съ трехлѣтнею отъ платежа податей льготою, на водвореніе въ здѣшнюю волость не поступало, о чемъ Енисейскому земскому суду донести рапортомъ. Съ подлинною вѣрно: за писаря Кулаковъ. Исполнено 28 февраля 1835 года за № 196.

III.

Рапортъ.—Въ Енисейскій земскій судъ.—При полученіи сего числа въ семь правленіи статейнаго списка, присланаго при предписаніи изъ онаго земскаго суда отъ 10 февраля за № 1262, о причисленныхъ якобы съ трехлѣтнею льготою на водвореніе въ здѣшнюю волость полякахъ, а именно Лукашѣ

Губрикѣ, Игнатѣ Арпишевскомѣ и Францѣ Журавскомѣ, означенныхъ лицъ въ здѣшнюю волость на водвореніе никогда не поступало. О чемъ оному и земскому суду волостное правленіе имѣеть честь донести и покорнѣйше просить о прибытіи значущихся въ статейномъ спискѣ лицъ учинить съ своей стороны надлежащее распоряженіе и сіе правленіе удостоить присылкою предписанія.

IV.

Приказъ. Богучанскому волостному правленію. Въ указѣ Енисейскій земскій судъ отъ 20 февраля за № 1458, съ предложенія г. Енисейскаго окружнаго начальника отъ 11 февраля № 180, прописываетъ, что его превосходительство г. Енисейскій гражданскій губернаторъ, вслѣдствіе Высочайшей Его Императорскаго Величества воли, изображенной въ предписаніи къ нему г. исправляющимъ должность генералъ-губернатора Восточной Сибири, просить его сдѣлать распоряженіе, чтобы никто изъ польскихъ мятежниковъ, которые сосланы въ Сибирь и находятся въ вѣрennomъ ему округѣ, не имѣлъ ни подъ какимъ видомъ свободной переписки съ кѣмъ бы то не было, ибо всѣ ихъ письма и посылки должны предварительно поступить къ нему, а онъ г. окружной начальникъ долженъ представлять ихъ къ его превосходительству на правилахъ, существующихъ для переписки государственныхъ преступниковъ. Вслѣдствіе чего, съ прописаніемъ вышеизложеннаго въ указѣ обстоятельства, я предписываю оному волостному правленію нынѣ же находящимся въ причисленіи по оной волости польскимъ мятежникамъ такое объявить, чтобы они, ежели какую либо впредь будутъ имѣть съ родственниками своими переписку, то тогда бы представляли свои письма въ волостное правленіе, а оно отсылало бы ко мнѣ при своихъ рапортахъ. № 359 4 марта 1835 года. Богучанскій отдѣльный засѣдатель Кругловъ. Получено № 113 13 марта 1835 года.

V.

Копія. 1835 года марта 12 дня въ Богучанскомъ волостномъ правленіи резолюціею заключено. Сей приказъ чрезъ волостного голову объявить. У подлинной старосты Безрукихъ печатъ. Вѣрно: за писаря Кулаковъ.

VI.

Приказъ.—Богучанскому волостному правленію. Для оставленныхъ въ городѣ Енисейскѣ начальствомъ поселенцевъ изъ поляковъ—Игнатя Осипова Арпишевскаго, Лука-

ша Губрикова и Франца Журавскаго, причисленныхъ въ оную волость, предписывается оному правленію выслать десятимѣсячные билеты для жительства имъ въ городѣ Енисейскѣ и округѣ онаго; примѣты же и лѣта ихъ извѣстны въ отосланныхъ уже отъ сего суда при приказахъ статейныхъ спискахъ, а деньги за каждой печатной бланкъ по 5 к. отданы для представленія въ оную волость ходоку.—№ 2572 марта 17 дня 1835 года. За члена Немолотышевъ. Получено № 148 24 марта 1835 года.

VII.

1835 года марта 24 дня въ Богучанскомъ волостномъ правленіи резолюціею заключено. Означенные 3 билета проживающимъ въ городѣ Енисейскѣ полякамъ, 3 человѣкамъ, причисленнымъ въ здѣшнюю волость, составить и представить при рапортѣ въ Енисейскій земскій судъ. Вѣрно: за писаря Кулаковъ.

VIII.

Въ Енисейскій земскій судъ Богучанскаго волостного правленія рапортъ. Во исполненіе предписанія онаго земскаго суда отъ 17 марта за № 2572, написавъ проживающимъ въ городѣ Енисейскѣ поселенцамъ изъ поляковъ Лукашѣ Губрику, Игнатію Арпишевскому и Францу Журавскому десятимѣсячные билеты, которые при семъ въ оный земскій судъ волостное правленіе честь имѣеть представить и о полученіи оныхъ всекорнѣйше просить не оставить присылкою увѣдомленія. № 462 4 апрѣля 1835 года.

IX.

Приказъ. Богучанскому волостному правленію. На рапортъ онаго волостного правленія отъ 28 февраля за № 196 земскій судъ симъ даетъ знать, что, по распоряженію начальства, причисленные въ оную волость поляки, а именно: Лукаша Губрикъ, Игнатій Арпишевскій и Францъ Журавскій оставлены въ городѣ Енисейскѣ впредь до разрѣшенія. № 2746 марта 22 дня 1835 года. За засѣдателя Мизгиревъ. Секретарь Немолотышевъ. Получено № 177 9 апрѣля 1835 года.

X.

Копія.—1835 года апрѣля 9 дня въ Богучанскомъ волостномъ правленіи резолюціею заключено. Сей приказъ приобщить къ дѣлу. У подлинной голова Рукосуевъ приложилъ печать. Вѣрно: за писаря Кулаковъ.

XI.

Приказъ.—Богучанскому волостному правленію. Въ ука-

зѣ Енисейское губернское правленіе отъ 22 октября № 23865 прописываетъ: въ предложеніи г. состоящій въ должности Енисейскаго гражданскаго губернатора отъ 26 сентября № 159, изъясняя: что г. исправляющій должность генераль-губернатора Восточной Сибири, распредѣливъ преступниковъ изъ польскихъ мятежниковъ, осужденныхъ въ каторжную работу, по заводамъ Иркутской губерніи такъ, чтобы они не скоплялись въ одномъ мѣстѣ, а сосланныхъ на поселеніе предписалъ размѣщать по отдаленнымъ мѣстамъ, не обременяя окрестностей города самыми отчаянными преступниками, особенно шляхтичами, ибо изъ нихъ рѣдкій не записанъ въ какомъ нибудь тайномъ злоумышленномъ обществѣ, объ исполненіи сего по Высочайше вѣренной управленію его губерніи его высокопревосходительство отъ 21 сентября за № 225 предписываетъ сдѣлать надлежащее распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы экспедиція о ссыльныхъ о всѣхъ преступникахъ изъ дворянства польскаго, по происшедшимъ мятежамъ осужденныхъ въ каторжную работу и на поселеніе, имѣла вѣрные и подробные списки, какими должна немедленно снабдить заводы и земскую полицію; для различенія же тѣхъ преступниковъ отъ прочихъ каторжныхъ имѣть ихъ подъ особымъ названіемъ *важныхъ* и подчинить подъ непосредственную отвѣтственность правителей заводо́въ. И ежели отъ небреженія или слабаго надзора кто либо изъ тѣхъ людей бѣжитъ, то управители неминуемо подпадутъ суду и строгому по законамъ взысканію, ибо такіе преступники могутъ причинить важный вредъ государству; вслѣдствіе сего предлагаетъ губернскому правленію сдѣлать надлежащее распоряженіе его высокопревосходительства и, по исполненіи сего, увѣдомить, при чемъ просить губернское правленіе поставить въ строгую и непремѣнную обязанность экспедиціи о ссыльныхъ, чтобы о побѣгѣ каторжныхъ и вообще поселенцевъ изъ польскихъ мятежниковъ тотъ часъ было доносимо ему, какъ о происшествіи, а равно и о вновь прибывающихъ въ здѣшнюю губернію полякахъ, слѣдующихъ въ работу и на поселеніе, также немедленно его увѣдомлять, для донесенія г. исправляющему должность генераль-губернатора Восточной Сибири.

Справка:

1. Г. управляющій Енисейскою губерніею отъ 4 іюля сего года за № 106, вслѣдствіе предписанія г. исправляющаго должность генераль-губернатора Восточной Сибири по случаю побѣга съ Александровскаго винокуреннаго завода, близъ Иркутска находящагося, 6 человекъ польскихъ мятежниковъ,

осужденныхъ въ каторжную работу, и найденному у нихъ плану къ возвращенію въ предѣлы Польши, предложилъ всѣхъ осужденныхъ въ работу за преступленія противу правительства находящихся въ заводахъ здѣшной губерніи отправить въ Нерчинскіе горные заводы, каковыхъ и находится здѣсь въ заводахъ: въ Каменскомъ винокуренномъ *)— 1 и Троицкомъ солеваренномъ—16 и перечисленныхъ въ разрядъ неспособныхъ въ Устьянскую волость—1. Почему объ отправленіи этихъ ссылокаторжныхъ въ Иркутскъ 23 августа предписано конторѣ Каменскаго завода № 19085, управителю Троицкаго завода № 19087, Канскому земскому суду № 19083 и городничему № 19084, изъ коихъ Каменскою конторою находившійся въ томъ заводѣ преступникъ Хлопницкій представленъ въ сіе правленіе и отправленъ въ Иркутскъ 18 числа сентября; отъ прочихъ же мѣстъ исполнительныхъ донесеній еще не получено.

2. Въслѣдствіе предложенія г. состоящаго въ должности Енисейскаго гражданскаго губернатора отъ 6 сентября за № 146 о доставленіи къ нему по формѣ списковъ о всѣхъ политическихъ преступникахъ (кромѣ государственныхъ по дѣлу 14 декабря 1825 года), находящихся въ каторжной работѣ, на поселеніи, или просто на жительствѣ подъ надзоромъ полиціи, по учиненной съ дѣлами выправкѣ, открыто, что сосланныхъ въ здѣшной губерніи находится 62 человѣка и 6 таковыхъ же не поступило, почему, съ приложеніемъ именныхъ списковъ, 25 сентября предписано указами земскимъ судамъ: Красноярскому № 408, Канскому № 409, Ачинскому № 410, Минусинскому № 411 и Енисейскому № 412, смотрителю Красноярскому ремесленнаго дома № 413, ревизору поселеній Голенищеву-Кутузову № 414, чтобы, согласно сдѣланному примѣчанію въ списокѣ объ означенныхъ преступникахъ, составили надлежащія свѣдѣнія и, слѣлавъ отмѣтки противъ каждого человѣка, немедленно доставили въ сіе правленіе, а на случай— не находится ли кто либо подъ надзоромъ полиціи изъ подобныхъ преступниковъ, то о учиненіи о семъ надлежащихъ выправокъ того-жъ 25 числа предписано всѣмъ здѣшной губерніи городничимъ, о чемъ и представлено его превосходительству съ присовокупленіемъ, что, по полученіи затребованныхъ свѣдѣній о политическихъ преступникахъ, правленіе не замедлитъ представить особо его превосходительству.

3. Поступившихъ прежде и нынѣ поступающихъ въ Красноярскъ въ арестантскихъ партіяхъ изъ польскихъ шляхтичей и за другія преступленія ихъ отсылать и нынѣ они отсы-

лаются въ отдаленныя отъ городовъ въ волости, о преступленіи которыхъ и статейныя списки немедленно отсылаются въ земскіе суды, а по Енисейскому округу къ тамошнему окружному начальнику.

Въ Губернскомъ правленіи *заключено*: Поелику о находящихся въ здѣшней губерніи политическихъ преступникахъ требуются свѣдѣнія отъ городскихъ и земскихъ полицій, смотрителя ремесленного дома и ревизова Голенищева-Кутузова, то о самоскорѣйшемъ доставленіи оныхъ подтвердить имъ указами, равно и о скорѣйшей отправкѣ въ Иркутскъ находящихся въ Троицкомъ заводѣ каторжныхъ 16 и одного въ Устьянской волости; сообщить къ управляющему Сибирскими солеваренными заводами и предписать Канскимъ земскому суду и городничему, смотрителямъ поселеній и земскимъ исправникамъ въ особенности предписать, чтобы они каждый по вѣдомству своему имѣли строгое наблюденіе за образомъ жизни изъ польскихъ мятежниковъ, равно и за тѣми изъ шляхты, которые сосланы въ Сибирь за другія преступленія и о побѣгѣ изъ нихъ кого либо или о замѣченныхъ за ними важныхъ и неважныхъ поступкахъ тотчасъ доносили бы губернскому правленію по экспедиціи о ссыльныхъ, которой, согласно предложенія его превосходительства, постановить въ обязанность нынѣ же заняться составить особый алфавитъ объ однихъ польскихъ мятежникахъ, сосланныхъ въ работу и на поселеніе и продолжить оный отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ, о каковомъ распоряженіи довести нынѣ до свѣдѣнія г. состоящаго въ должности Енисейскаго гражданскаго губернатора представленіемъ и присовокупить, что, за сдѣланнымъ распоряженіемъ о высылкѣ изъ Енисейской въ Иркутскую губернію изъ польскихъ мятежниковъ, находившихся по заводамъ здѣшней губерніи въ работѣ, теперь ни одного изъ нихъ не останется здѣсь, кромѣ однихъ изъ польскихъ же мятежниковъ, сосланныхъ на поселеніе и находящихся по разнымъ волостямъ Енисейской округи.

Въ земскомъ судѣ *приказали*: строжайше предписать волостнымъ правленіямъ требуемыя списки о полякахъ доставить немедленно въ земскій судъ, при чемъ включить въ предписаніяхъ, что, если кто изъ сихъ преступниковъ съ мѣстожителства учинить побѣгъ, то доносили бы о семъ суду, равно за образомъ ихъ жизни имѣли строгій надзоръ, и о важныхъ и неважныхъ преступленіяхъ, ими сдѣланныхъ, также доносили бы суду. № 9819 ноября 15 дня 1835 года. За сѣдатель Зотовъ, секретарь Немолытышевъ. Получено № 491, 5 декабря 1835 года.

ХІІ.

Копія съ релолуціи.—1835 года декабря 5 дня въ Богучанскомъ волостномъ правленіи резолюціею заключено. По сему предписанію о причисленныхъ по здѣшней волости политическихъ преступникахъ составить особый алфавитный списокъ, равно о нихъ же составить по присланной изъ онаго земскаго суда формѣ именной списокъ съ отмѣткою противъ каждаго человѣка о поведеніи и чѣмъ именно занимается, который и представить въ самоскорѣйшемъ времени въ Енисейскій земскій судъ. Съ подлиннаго вѣрно: за писаря Кулаковъ.

А. Савельевъ.

„Пашпортъ“ 1808 года. Копія.*) „Показу Его Величества, Государя Императора Александра Павловича, Самодержца Всероссийскаго, и прочая, и прочая и прочая. Объявитель сего, служившій въ Нижнеудинской штатной городской команде унтеръ афицеръ матвей васьилевъ сынъ садовскій, которой въ службу вступилъ, какъ по формулярному списку значить изъ крестьянъ красноярской округи салдатомъ 779-го апреля 1, унтеръ афицеръ 793-го апреля 1-го же, въ городовую команду 1800-го марта 25 дни, въ походахъ противъ неприятеля и штрафахъ небывалъ российской грамоте читать и писать не умеетъ, женатъ, имеетъ детей: сына харлампія 10-ти, дочерей анну 25-ти, Елисавету 23-хъ, дарью 21-го и катерину 10-ти летъ, нынѣ же въ следствіе указа правительствующаго сената отъ 27 февраля 1808 года отслужбы отставленъ пожеланію его насобственное пропитаніе, почему для свободнаго где пожелаетъ жительства данъ ему, садовскому, сей пашпортъ изъ Иркутскаго губернскаго правительства съ тѣмъ, дабы ему никто обидѣ, притесненій и налоговъ нечинилъ, нозаслужбу его отдывано было должное благодеяніе, напротивъ чего иему, садовскому, вестъ себя добропорядочно, *по миру не ходитъ* и жить соответственно узаконенію какъ бѣотставкахъ предписывается. Примѣтамъ онъ, садовскій,—ростомъ двухъ аршинъ, трехъ половиною вершковъ, лицомъ бѣлымъ, волосомъ свѣтлорусый, глаза серыи, отъроду 58-ми летъ; посмерти же его, укого его пашпортъ останется, предъвить въ присутственное место, где надлежитъ. Апреля 30-го дни 1808 года. Наподлинномъ подписалъ советникъ николай горловъ. Усего пашпортъ Его Императорскаго Величества Иркутскаго губернскаго правительства поисполнительной экспедиціи печать“.

Сообщилъ В. Сенторъ.

* Приводится съ сохраненіемъ орфографіи подлинника; для удобства при чтеніи разставлены лишь знаки препинанія.

Памяти о. Иннокентія Шастина.

Кто въ Иркутскѣ не зналъ отда Иннокенія Шастина, этого старенькаго, добраго батюшку? Какъ предѣдателю Родительскаго Комитета, мнѣ приходилось очень часто сталкиваться съ нимъ, какъ съ преподавателемъ Закона Божія. Вотъ онъ на экзаменѣ въ II женской гимназій; экзаменуетъ самыхъ маленькихъ, вступающихъ дѣвочекъ.

— Какъ фамилія?—ласково спрашиваетъ онъ.

— Прохорова. *)

— А, Прохорова... знаю, знаю. Какъ же твоя мамочка поживаетъ? Здорова?

— Здорова.

— Слава Богу. Ну, чего же тебя спросить?—Молитву Господню знаешь?

Дѣвочка молчитъ.

— Знаешь вѣдь... Ну, говори: „Отче нашъ“. Такъ, такъ.... „Иже еси на небѣсѣхъ“... Такъ... такъ вотъ и хорошо, ступай, кланяйся мамочкѣ.—И отецъ Иннокентій ставитъ ей „пять“, хотя молитву она только повторяла за нимъ.

— А тебя, душечка, какъ звать?

— Нюша Коркина.

— Богу и Матери Божьей молишься?

— Молюсь.

— Каждый день молишься?

— Молюсь.

— Молись, Нюточка, молись за папочку, за мамочку, за всѣхъ молись. Какія же ты молитвы знаешь?

— Царю Небесный, Богородице...

— Вотъ и хорошо, иди съ Богомъ!

И снова отмѣтка „пять“. На экзаменахъ въ среднихъ и старшихъ классахъ, гдѣ засѣдали и другіе экзаменаторы, отецъ Иннокентій подсказывалъ ученицамъ и ставилъ также отличныя отмѣтки.

*) Фамиліи ученицъ псевдонимированы.

— Она вѣдь не отвѣтила на вопросъ о сугубой ектени,— заявлялъ кто нибудь изъ ассистентовъ, при обсужденіи от-мѣтокъ,—и не знала тропоря такого-то.

— Узнаеть когда нибудь,—говорилъ от. Иннокентій и не сбавлялъ съ „пятерки“.

Однажды, возвращаясь съ экзаменовъ, я спросилъ батюшку, былъ ли въ его практикѣ случай, чтобы онъ „срѣ-залъ“ на экзаменѣ.

Отецъ Иннокентій остановился и, подумавъ, сказалъ:

— Былъ.

Я попросилъ его сообщить о такомъ случаѣ.

— Это было въ мужской гимназіи съ экстерномъ; экзаменовать его надо было за четыре класса. Я спрашивалъ его: когда читется за литургіей евангеліе? Онъ молчитъ. Какое совершается за литургіей великое таинство?—Молчитъ.—Да вы причащались когда нибудь?—Причащался,—отвѣчаетъ.

— Когда же вы причащались?

— Не помню.

— Я васъ не про число или мѣсяць спрашиваю, а днемъ или вечеромъ.

— Кажется, вечеромъ.

— Вечеромъ?—переспрашиваю.

— Навѣрно не помню.

— А какое таинство прелпеществуетъ причастію?

Молчитъ.

— Да вы слышали что нибудь о танствахъ?

Молчитъ.

— А въ церкви вы бываете когда нибудь?

— Бываю,—отвѣчаетъ.

— Это и видно,—говорю ему,—что бываете; такъ вотъ почаще бывайте, а потомъ и приходите экзаменоваться.—И поставилъ ему единицу.—Да, былъ случай,—повторилъ онъ.

— „Добрый батюшка“,—говорили родители; „добрый батюшка“,—говорили сослуживцы; „добрый батюшка“,—говорили дѣти, и всѣ его любили.

Л. Собокаревъ.

ЗАМѢТКИ.

Архивы гор. Якутска не могутъ похвастаться своей сохранностью, но таковы, видно, удѣлъ всѣхъ Сибирскихъ архивовъ.

Самымъ большимъ архивомъ гор. Якутска будетъ архивъ областного управленія, хотя онъ и сохранился только частью: въ 1890 году сгорѣло одно изъ деревянныхъ зданій, въ которомъ помѣщались дѣла, относящіеся къ 1805-1887 годамъ.

Но, къ счастью, древній архивъ, помѣщавшійся, рядомъ съ сгорѣвшимъ, въ старомъ деревянномъ сараѣ, сохранился. Этотъ древній архивъ, несмотря на царящую въ немъ большую запущенность, на массу различныхъ вымоковъ въ прошломъ,—представляетъ большой интересъ, такъ какъ въ немъ имѣется довольно много столбцовъ.

Въ настоящее время архивъ областного управленія помѣщается въ казенномъ зданіи воеводской канцеляріи, построенной при воеводѣ Шашкинѣ въ 1704 году.

Этотъ архивъ въ настоящее время совершенно недоступенъ для какихъ либо изысканій; какъ говорятъ, это относящіеся не только къ простымъ смертнымъ, но даже и къ членамъ т. н. архивной комиссіи.

Другой интересный архивъ—это архивъ полковой канцеляріи казачьяго полка. Этотъ архивъ отличается сохранностью, т. к. за время своего существованія какимъ-либо случайностямъ не подвергался.

Помѣщается онъ во дворѣ казачьяго полкового дома.

И наконецъ, третій архивъ—это консисторскій. Онъ также отличается цѣлостью, но запущенъ. Помѣщается онъ при Якутской духовной консисторіи.

В. Виленскій.

